

Наг Стернин

Путч будет завтра
(Старинный романс)

16+

Наг Стернин

Путч будет завтра

(Старинный романс)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53598793

SelfPub; 2020

Аннотация

Середина августа 1991 года. Страна бурлит, раздираемая противоречиями. В крымском санатории рядом с Форосом собралась небольшая компания людей разного возраста и различных профессий. Их политические взгляды часто не совпадают, а иногда и прямо противоположны. Они ожесточенно спорят друг с другом, в их спорах и даже судьбах причудливо переплетается настоящее и далекое прошлое страны. Все это не мешает им относиться друг к другу с уважением и даже любовью. А вокруг пышным цветом вылезают из щелей ядовитые побеги – предвестники надвигающегося катаклизма. Путч будет завтра.

Содержание

1	4
2	17
3	27
4	38
5	50
6	60
7	76
8	90
9	103
10	114
11	130
12	143
Несколько слов вместо эпилога.	153

1

В Севастополь поезд пришел утром. Пассажиры наконец-то прекратили разговоры о политике, совершенно остервеневшие Алексею Алексеевичу за долгую нудную дорогу, и суетливо заспешили к выходу. Вместе со всеми Алексей Алексеевич выбрался на перрон и пошагал туда, где, по словам проводницы, должен был дожидаться отдыхающих санаторный автобус.

Впереди решительно и целеустремленно шагала девушка из третьего купе, та самая, что напустила на Алексея Алексеевича буквально арктический холод, когда он попробовал заговорить с нею в коридоре вагона. Багаж у девушки был объемистый. В левой руке она держала чемодан, а на правом ее плече висела сумка, из которой вызывающе торчала теннисная ракетка.

Шли они явно в одну сторону, но предложить свою помощь девушке Алексей Алексеевич не решался, настолько неприступен и суров был ее вид. Его собственный багаж состоял из одной сумки, единственной сколько-нибудь тяжелой вещью в которой была моноласта.

Эта моноласта некогда была привезена Алексею Алексеевичу в подарок сослуживцем, который на конгрессе в Уилмингтоне зачитал доклад своего, как еще совсем недавно изящно выражались, “внезапно заболевшего коллеги”. Дело

в том, что в не столь уж далекие годы Алексей Алексеевич был невыездным по черт знает какой причине.

Коллега был человеком порядочным, было ему совестно, вот и привез он Алексею Алексеевичу из Америки подарок, явно превосходивший его более чем скромные финансовые возможности.

Алексей Алексеевич, еще со студенческих лет увлекавшийся подводным плаванием, подарку был чрезвычайно рад, благодарил коллегу чуть ли не со слезами на глазах, от чего смущение того только увеличивалось, так что он, коллега, готов был просто провалиться сквозь землю. Ласту Алексей Алексеевич берег чрезвычайно, можно сказать, лелеял и холил, вот и служила она ему верой и правдой уже добрый десяток лет.

Автобус в месте, указанном проводницей вагона, и в самом деле пассажиров дождался. На его лобовом стекле красовался картонный плакат, на котором большими корявыми буквами было накарябано: “ЛАМЕС”. За рулем скучал здоровенный парень в тельняшке с обрезанными рукавами, рядом, держась за открытую дверцу, стояла средних лет поджарая дама с пышно взбитыми крашеными волосами, как вскоре выяснилось, санаторный культорг.

Льдышка из третьего купе перебросилась с нею парой фраз, закинула вещи в автобус и, с видом, воплощавшим в себе крайнюю степень неприступности, встала рядом. Алексей Алексеевич подошел, поздоровался, спросил почему-то:

“Вы из Ламеса?”, и после жизнеутверждающего ответа культторгши, что, мол, да-да, именно оттуда, сказал:

– Вот и прекрасно. Значит, поехали.

– Сначала дождемся остальных, – возразила культторгша. Алексей Алексеевич засмутился, пробормотал, что да, конечно, он вовсе не имел ничего такого в виду, тут же рассердился на себя за это смущение и, отойдя в сторону, закурил сигарету.

На курорт Алексей Алексеевич, несмотря на свои сорок три года, сподобился попасть впервые. Все окружающее было ему внове, в том числе и собиравшаяся к автобусу публика. Публика состояла из среднерангового чиновничества, неизменной – куда ж без нее – торговли, мгновенно сучковавшейся молодежи, которую Алексей Алексеевич почему-то про себя неодобрительно охарактеризовал “золотой”, и нескольких подобных ему “старых пней” принесших к теплему морю бремя своих инфарктов и остеохондрозов. Сам Алексей Алексеевич относился к санаториям как к богоугодным заведениям, и попал сюда только по настоянию институтского зама по научной работе после тяжелого сердечного приступа. Приступ этот свалился на него, крепкого и никогда не болевшего мужика, совершенно внезапно. Хотя... с этой самой внезапностью... Какая уж тут внезапность. Тут все сошлось одно, так сказать, к одному.

Исследования его лаборатория проводила дорогостоящие, финансировались они последнее время со скрипом.

Деньги из начальства приходилось выдавливать буквально под прессом, что делать Алексей Алексеевич не умел и не любил. Начальство орало и брыкалось, коллеги вопили, О’Нил, с которым Алексей Алексеевич долгие годы шел, как говорится, “ноздря в ноздю”, начал потихонечку выдвигаться вперед. А тут еще дела домашние, что называется, поперли наперекосьяк.

Дело в том, что и Алексей Алексеевич, и его жена само-забвенно, до потери сознания, до дрожи в кончиках пальцев, любили одного и того же человека, а именно ее. Была она натурой пылкая и увлекающаяся, с началом перестройки открыла для себя общественную жизнь, носилась по собраниям и митингам всех мыслимых и немыслимых направлений, отчего и без того не слишком ясная ее голова совершенно пошла кругом. И вот где-то там, на одном из митингов неких “демократических либералов” встретила, как она выразилась, “единственную и неповторимую любовь своей жизни”. На вопрос жены: “Как будем делить имущество?”, Алексей Алексеевич, ответив: “Забирай все, что хочешь, только книги не трогай”, на время пресловутой “дележки” и переезда жены к демократическому либералу перебрался к матери, откуда и увезла его неотложка в тяжелейшем прединфарктном состоянии.

Выкарабкаться из больницы Алексею Алексеевичу удалось со вполне себе целой сердечной мышцей, однако, по заключению врачей, ни о каком акваланге теперь не могло

быть и речи. Зам по научной работе, опекавший Алексея Алексеевича очень старательно и, как ни странно, вполне бескорыстно, в первый же день по выходе на работу вызвал его к себе, вручил путевку и со значением сказал:

– Надо тебе, Ал-Ал, ото всех своих неурядиц, как бы это сказать... отгородиться, что ли. Так что езжай-ка ты, братец, к морю. И – за десять процентов.

Эти самые “десять процентов” Алексей Алексеевич, по глупости, не оценил, зато оценил место, куда его отправляли. Еще даже год назад попасть в Ламес никто из их научной “лавочки” и помыслить себе не мог. Как-никак санаторий располагался в Крыму, до последнего времени относился к пресловутому Четвертому управлению и предназначался для самой что ни на есть элитарной элиты.

Народ, между тем, постепенно собирался. Подходили пассажиры, как понял Алексей Алексеевич, из последних вагонов. Рядом с ним остановились две дамы лет тридцати пяти. Первая, чуть полноватая, но с прекрасной фигурой, чем-то неуловимым, но до боли в сердце знакомым напоминала Алексею Алексеевичу бывшую супругу. Вторая, высокая, стройная и невероятно хищная на вид, более всего была похожа на щуку в засаде, когда она, щука, готовясь к броску на зазевавшегося пескаря, застывает на месте в обманчивой неподвижности.

Оглядев Алексея Алексеевича с ног до головы долгим оценивающим взглядом, щука одобрительно толкнула по-

другу плечом и стремительно рванулась вперед, к автобусу, где, врезавшись в толпу, сразу же повела себя как оккупационная армия в захваченной стране.

– Что же Вы стоите, – сказала Алексею Алексеевичу оставшаяся дама. – Проходите и садитесь. И непременно справа. Вы тут впервые?.. А-аха... Я так и подумала.

Другие пассажиры и в самом деле весьма энергично забирались в автобус, причем опытный чиновный люд старался расположиться с правой стороны. От автобуса даму нетерпеливо звала подруга. Дама дружески Алексею Алексеевичу улыбнулась и сказала, понизив голос до состояния полной конфиденциальности:

– Непременно справа.

Единственное свободное место с правой стороны оказалось сразу за этой самой красивой дамой рядом с маленькой миловидной женщиной, подошедшей к автобусу одной из последних, но, тем не менее, проникшей в него в первых рядах. Впрочем, свободным его можно было назвать лишь относительно, поскольку на сидение была водружена зачехленная гитара. Алексей Алексеевич в нерешительности остановился.

– Ну вот, – сказала красивая дама, повернувшись к Алексею Алексеевичу, – я же Вам говорила. Впрочем... У Вас свободно? – обратилась она к владелице гитары. Та, не отвечая, взгромоздила инструмент на колени. Алексей Алексеевич опустил на освободившееся место и огляделся, выис-

кивая глазами льдышку из третьего купе.

Автобус был почти заполнен. Места слева были плотно оккупированы торговлей с редкими вкраплениями прочих Алексеев Алексеевичей. Молодежь шумно кучковалась на задних сидениях. Культоргша, поднявшаяся в салон последней, оглядела его хозяйским оком и сказала с несколько искусственным оживлением в голосе:

– Ну вот, кажется, все на месте. Ждать больше нету смысла. Поехали.

Девушка из третьего купе сидела в одном с Алексеем Алексеевичем ряду, слева по ходу автобуса, у окна. На соседнем с нею сидении разместился некий развеселый бородач, возрастом что-нибудь лет слегка за тридцать. В отличие от Алексея Алексеевича, бородач, как оказалось, с легкостью нашел с этой льдышкой общий язык. Он с плутоватым видом шептал ей что-то на ухо, а девушка смотрела на него большими круглыми глазами. Заинтересованно смотрела и удивленно, и ничто в ней айсберг не напоминало уже ни в малейшей степени. Алексей Алексеевич с неудовольствием отвернулся к окну.

– Анна Герасимовна, – закричал бородач культоргше, – тут вот некоторые усомнились. Ведь, правда, мы сейчас будем проезжать мимо дачи Горбачева?

Культоргша оживилась и затарахтела.

– Правда. Я покажу, она будет хорошо видна с дороги вот тут, с правой стороны. Только будьте осторожны и не поки-

дайте своих мест. Я имею в виду, кто сидит слева. Можно устроить аварию.

Левые массы возбудились и зашумели, на правое чиновничество глядя с завистливой неприязнью.

Культоргша, между тем, разливалась соловьем, перечисляла фамилии всех именитых и знаменитых людей, когда-либо бывавших или проживавших в окрестностях Ламеса.

– У нас тут, – захлебываясь от восторга и закатывая глаза, тархтела она, – построил дачу, знаете кто? – культоргша выдержала драматическую паузу и назвала фамилию автора популярных детективов. – И именно на этой даче он пишет свои бессмертные произведения.

Слова “Бессмертные произведения”, отнесенные к опусам детективщика, очень рассмешили Алексея Алексеевича, он прыснул, культоргша покосилась на него неодобрительно, а окружающая торговля просто-таки облила презрением. сосед сзади, уже немолодой человек с невероятно умным и интеллигентным лицом, – Алексей Алексеевич полагал до сих пор, что таких лиц просто не бывает в природе, – подсунул к его уху и шепнул:

– Вот так-то, дорогой. Нельзя насмехаться над кумирами народа. Себе дороже. К тому же он совсем небесталанный человек, причём милейший, уверяю Вас. Я знаю. Как-никак фильм ставил по его сценарию. Просто в один прекрасный день он, думается мне... – сосед пожевал губами, покрутил

головой, – В общем, эта проблема рано или поздно встает перед любым человеком, подвигающимся в сфере искусства. С неизбежностью. Слава баба капризная. К тому же и талант у большинства из нас не толстовский... да и не эйзенштейновский. Увы. Так что капелька здорового практического цинизма... Вы, я так полагаю, из науки? Позвольте представиться, Нахапаров Игорь Вениаминович, режиссер.

Автобус мчался по шоссе, и виды справа оказались и в самом деле изумительными. Красивая дама все время оборачивалась к Алексею Алексеевичу и говорила с томным интимом, носившим странный оттенок некоей скромной гордости... ну как если бы она лично являлась творцом всего этого великолепия:

– Ну, и как Вам? Прекрасно, не правда ли? А сейчас будет... А вот там, за углом... И дача горбачевская уже скоро. Проедем поворот, потом будет такой мысок, и за мыском смотрите сразу вниз. Там увидите такие здания из красного кирпича. В прессе были фотографии. Видели, наверное?.. А-аха... Странно... Ведь все видели...

Горбачевская дача действительно с шоссе была прекрасно видна, и, несмотря на предупреждение и даже предостережение культоргши, вся или почти вся левая половина рванулась к правым окнам автобуса, чтобы оную дачу как следует обозреть.

– Вот ведь народ, – укоризненно вздохнул шофер. – И что вам всем эта дача далась, прямо на стенку лезете?

– Так ведь интересно, – оправдывалась торговля. Остальные молча и даже, может быть, несколько пристыжено разбрелись по своим местам. А льдышка из третьего купе тоже, между прочим, кинулась смотреть на дачку, чуть ли не висела на Алексее Алексеевиче, и вид у нее был при этом заинтересованный до полного кретинизма... что и отметил Алексей Алексеевич с самого себя несколько удивившим злорадством, поскольку я – то, – сказал он себе, – доведись мне сидеть с левой стороны, уж точно не двинулся бы с места.

Автобус, между тем, круто свернул вправо, скользнул куда-то вниз, повернул раз, другой, и выскочил на ровную бетонную площадку перед небольшим одноэтажным зданием.

– Это наша регистратура, – сказала культорггша. – Приглашаю всех выйти и расположиться вон там, в холле. Подготовьте, пожалуйста, паспорта, путевки, вас оформят и распределят, кому где жить. С прибытием вас, и счастливого отдыха. Старожилы, укажите новичкам дорогу.

Произнеся эти слова, культорггша дематериализовалась с такой скоростью, что Алексей Алексеевич только глазами растерянно похлопал: вот только что был тут человек, и – на тебе – нету, куда до нее старику Хоттабычу. Прибывший люд уже шагал к регистратуре. Бородач с девушкой из третьего купе шли вместе, на несколько шагов опередив прочую публику, правда, как отметил Алексей Алексеевич, вещи свои она по-прежнему несла сама.

Комната Алексея Алексеевича была двухместной, распо-

лагалась на третьем этаже и имела лоджию умопомрачительных размеров. В лоджии находились еще две дополнительные кровати, а в разделяющем их пространстве можно было спокойно танцевать вальс. Вид на море из этой лоджии открывался изумительный.

Швырнув сумку в кресло и отметив мимоходом, что соседняя койка была еще не занята, Алексей Алексеевич отправился осмотреться. Санаторная территория была огромна, ухожена и буквально утопала в цветах. Но что самое удивительное – она была безлюдна. Первым человеком, которого он встретил у изящного восточной архитектуры здания, была та самая красивая дама, его автобусная confidentка, так сказать, его персональный автобусный гид.

– А-аха, – с удовлетворением констатировала дама, – вот и Вы. Вы, что же, я смотрю, нацелились на гарем?

Алексей Алексеевич несколько опешил.

– Я... собственно... гарем – это для меня многовато.

Красивая дама снисходительно улыбнулась.

– Вы не поняли. Ламес, как говаривали классики, до исторического материализма принадлежал какому-то восточному хану. Или эмиру. Владыке, одним словом. И в этом здании располагался его гарем.

– Ах, вот как, – пробормотал Алексей Алексеевич. – Интересно...

– Так вот я специально попросила, чтобы меня определили не во второй корпус, а сюда. Жить в гареме – это, знаете

ли, круто. Воображение разыгрывается, и все такое. Будто бы я одалиска какая-нибудь, умощенная благовониями. Раскинулась я, значит, обнаженная на подушках... вокруг музыка восточная... и я с трепетом жду, что вот сейчас раскроется дверь, на пороге возникнет мой владыка и повелитель... – конфидентка сделала большие глаза и медленно оглядела Алексея Алексеевича с головы до ног. – А где Вы определились?

– Э-э... как? Ах, ну да. В шестом корпусе, – сказал Алексей Алексеевич и машинально добавил, – триста двадцать шестая комната.

– А-аха. Триста двадцать шестая. Я запомню... – удовлетворенно констатировала дама и посмотрела на Алексея Алексеевича выжидающе. Алексей Алексеевич вопросительно наклонил голову. В глазах у дамы промелькнуло что-то явно нелестное, может быть, даже и досада... пауза, однако же, не затянулась. – А пока извините меня, мне нужно заглянуть к главному врачу. Отметиться, так сказать.

Алексей Алексеевич, с облегчением извинивши даму, поспешил ретироваться и по лестницам направился к морю.

Внизу, вместо ожидаемых типичных для этих мест маленьких бухточек, он с удивлением обнаружил длиннющую – пожалуй, поболее километра – и широченную набережную, в ближнем левом конце которой, разделенные волнорезами, находились четыре песчаные бухты, битком забитые отдыхающими. Далее располагалась спасательная станция с далеко

выдающимся в море причалом, смотровая вышка с развевающимся над ней флагом и двумя спасателями, смотревшими в море сквозь мощные бинокли.

С соседней лестницы вывернулся режиссер, уже упакованный в импортные плавки немыслимой расцветки. На плече у него висела махровая простыня, наличие подобной в своей комнате Алексей Алексеевич только что невнимательно удивлялся, ввиду полнейшего непонимания назначения оной.

– Что же это Вы, батенька мой, – сказал режиссер. – Все еще в брюках? Ловите мгновенье. Оно, знаете ли, прекрасно. Так сказать, ослепительный миг.

Режиссер бросил простыню на песок, разбежался и с шумом плюхнулся в воду. Вокруг сновали веселые люди в разной степени загорелости, слышалось – в сопровождении эпитетов повышенной степени красочности – осточертевшее: “Горбачев... Ельцин... Ново-Огарево...”, и Алексей Алексеевич почувствовал, что он как-то не вписывается в окружающую обстановку, и что вписаться в нее будет ему трудно. Он закурил дежурную сигарету, вздохнул, сказал себе: “ну что ж, начнем отдыхать...” и медленно побрел по набережной в дальний ее конец. Надо же было посмотреть, что находится там.

2

Юра – бородач, как выяснилось, сосед Алексея Алексеевича по комнате, попытался было соответствовать, но тут же и отстал. Моноласта работала ровно, мощно, посылая тело вперед стремительными толчками. Алексей Алексеевич вначале сторожко прислушивался к сердцу, но ничего, сердце постукивало нормально и даже, как показалось ему, с удовольствием. Так что вскоре Алексей Алексеевич и вовсе перестал обращать на него внимание, а данное себе слово – не заплывать далеко от берега, – естественно, оказалось забытым.

Алексей Алексеевич вообще любил баттерфляй, а с моноластой мог плавать этим, в общем-то, отнюдь не экономичным стилем сколь угодно долго. Вот и сейчас он решил проплыть вдоль всей набережной, обогнуть мыс, которым она заканчивалась, и поглядеть, что находится там, дальше. Но, похоже, эта его идея пляжным спасателям пришлась не по вкусу. С вышки в мегафон неразборчиво кричали что-то сердитое, а поскольку на вопли, к себе их не относя, он не реагировал, от причала стремительно рванулся спасательный катер. Вздывая эффектные белые буруны, катер заложил широкую дугу с явным желанием отсечь преступника от возжеленных морских просторов.

Поравнявшись с Алексеем Алексеевичем, катер сбросил

ход, и сидевший на корме крепкий парень в тельняшке сказал укоризненно:

– Что же это Вы? Мы Вам кричим-кричим. Нехорошо.

– Я не понял, что вы это мне, – оправдывался Алексей Алексеевич.

– Ну да, не поняли, – вздохнул спасатель. – Что Вы вчера родились? Не знаете, что нельзя заплывать за буйки?

– Но я хорошо плаваю.

Спасатель пожал мощными плечами.

– А то я не вижу. Но Вы подаете нехороший пример.

– И даже не в том дело, – вмешался второй спасатель, постарше. – Вы же из нашей бухты поплыли. И все это видели. Вы нас подводите. Ладно бы Вы были лох какой-нибудь, а то... Вы уж, пожалуйста, залезайте в катер, иначе начальство нас так оттрахает – света белого невзвидим.

– Да ну что вы, ребята, – заволновался Алексей Алексеевич, – никого я подводить не хочу, вы только помогите мне, борт у вас высокий, а я в моноласте...

Моноласта привела спасателей в восторг. Они долго разглядывали ее, передавая из рук в руки, попросили разрешения примерить и опробовать. С примеркой, однако же, ничего не получилось, поскольку Алексей Алексеевич, несмотря на высокий рост, ступни ног имел маленькие. Вздохнув, мужики вернули ему моноласту, после чего старший сказал:

– Вот что. В том конце, за набережной, есть маленькая дикая бухточка. Мы Вас туда отвезем, там уже не наша ак-

ватория, вот и плавайте себе в удовольствие, сколько хотите и где хотите. А начальству мы скажем, что Вас строго предупредили и вообще... За вещичками будете возвращаться, так Вы уж, пожалуйста, посуху, водой не плавите. Договорились?

Бухточка и впрямь была очаровательна. Окруженная высокими скалами, она была разгорожена валунами на несколько обособленных микропляжиков, усыпанных мелким песком, а самое главное, вход в море здесь был премерзким – рваные камни, заросшие водорослями и усеянные живыми и погибшими колониями мидий и митилястеров с острыми, как бритвы, раковинами.

– Вот и прекрасно, – с удовлетворением заявил себе Алексей Алексеевич, – место чудесное, нашествие отдыхающих ему не грозит.

– Было чудесным, – произнес за его спиной холодный женский голос. – Пока сюда не стали доставлять всяческих “вайпонов” на спасательных катерах.

Алексей Алексеевич обернулся. В глубоком тенистом гроте, образованном двумя сомкнувшимися верхушками огромных валунов, лежала на махровой простыне льдышка из третьего купе. Читала она, между прочим, Борхеса.

– Вайпонов?.. Ах, ну да. Ви Ай Пи. “Особо важная персона”. Я правильно понял? – осведомился Алексей Алексеевич, но девушка, слова его полностью проигнорировав, продолжала ледяным тоном:

– Если дело так и дальше пойдет, здесь будет самое оживленное в мире местечко для уединений. Хоть вывеску вывешивай: “Специально для “вайпонов”. Шагу нельзя будет сделать, чтобы на высокопоставленного уединенца не наступить... О, какая у Вас лапта. Вывезена из Забугорья? Командировочки-поездочки? Америка – Германия – Япония – Весь Свет?

– Приятель привез. Самому мне за границей побывать не довелось.

Девушка высоко вскинула брови.

– Что так? Неужто и мы были невыездной?

Алексей Алексеевич, твердо решивший на все эти вызывающие подначки не поддаваться, пожал плечами. Девушка перекатилась на живот, подперла голову кулачками и критически его оглядела.

– Просто удивительно, – сообщила она окружающему пространству, – как много с началом перестройки явилось нам всякого рода протестантов и борцов. Но невыездной номенклатурный чиновник – это что-то уж и вовсе запредельное.

– А с чего Вы решили, что я номенклатурный чиновник? – удивился Алексей Алексеевич.

– Это написано у Вас на лбу, – безапелляционно заявила девушка.

– Пошлите рекламацию, – посоветовал Алексей Алексеевич, а девушка, подчеркнуто передразнивая его жест, в свою

очередь пожала плечами.

– Зачем и кому?

– Своему учителю чтения. Что же это он допускает такой возмутительный брак в работе? А-яй. Непорядок это. Прокол.

– Людей из номенклатуры я чую за версту, – возразила она. – Вы утверждаете, что я ошиблась. В таком случае, считаю себя просто обязанной спросить, кто Вы, сэр? По профессии и роду занятий?

– Мастер по ремонту пишущих машинок. Ну, ладно, поскольку мое присутствие Вас явно раздражает...

– Нисколько, – вклинилась она.

– ...то я, пожалуй, сплаваю за этот мыс и посмотрю, что там.

– А там, говорят, еще один санаторий как раз для мастеров по ремонту машинок, – сказала девушка и, повернувшись на бок, демонстративно уткнулась в книгу.

Берег за мысом оказался неожиданно далеко. А расположен там был санаторий ЦК, о чем и сообщил Алексею Алексеевичу встреченный пловец. На этой стороне мыса имелось множество маленьких удобных бухточек, но все они были заняты. Обитатели того санатория, очевидно, тоже страстно любили уединение.

Возвращался Алексей Алексеевич, как и обещал, посуху, ластву тащил подмышкой. Идти было с непривычки колко, но уж раз обещал? Встречные поглядывали на него с неким

почтением, и внимание это его смущало.

Из-за странной железной будки на колесах, ржавевшей на набережной в дальнем от спасателей конце – строители, что ли, забыли? – вывернулся режиссер и пошел рядом.

– Ну и плаваете Вы. Прямо кашалот какой-то. Левиафан. Только что фонтанов не пускаете. Отродясь такого не видел. Может, поучите? – сказал он и покосился на моноласту.

– Она на Вас не налезет, – сказал Алексей Алексеевич извиняющимся тоном. – У меня ноги маленькие. Но плавать научу. Отчего же.

– Кролем?

– Можно и кролем.

– Вот и чудесно, – обрадовался Нахапаров. – Прямо сейчас и начнем, ага? Мои вещички рядом с вашими, в бухточке, а до обеда еще целый час, – и тут же, с места в карьер, перешел на осточертевшую до колик в мозгу политику. – Послушайте, что же это он делает, наш милейший Генеральный Президент? Разве можно ему сейчас отдыхать?

– Мы-то с Вами отдыхаем, – возразил с неудовольствием Алексей Алексеевич.

– Но мы и не президенты. Не таким делом он занят, чтобы его вот так недоделанным бросать. Голову наотрез даю, что это Раиса его потащила. Хочется ей телеса на южном солнышке погреть.

– Раиса Максимовна, как мне представляется, очень достойная женщина, и делает только то, что полагается делать

первой леди государства, – сухо сказал Алексей Алексеевич.

– Надо же соображать, в какой стране живешь, – с некоторым смущением возразил режиссер, – и учитывать менталитет публики. Да-да, именно публики, поскольку государственный деятель всегда актер. И его окружение тоже. Вон поглядите на Ельцина...

– Слушайте, – взмолился Алексей Алексеевич, – давайте позабудем о политике. Она уже вот тут сидит, – он энергично постучал ладонью по шее. – Неужто Вам не надоело? Вы на отдыхе.

Нахапаров безнадежно махнул рукой.

– Э-эх, люди-человеки! Страусы, право слово. Чуть что – голову в песок и... Ладно. Пошли учиться.

– Может, вернемся в тот конец? Все народу поменьше.

– Зачем? Меня публика не пугает. Что ж время терять?

То, что его новоявленный ученик делал в воде, плаванием, разумеется, назвать было нельзя. Учить его надо было с самого начала, что называется, по полной программе.

– Значит так, – сказал Алексей Алексеевич, – подчиняться будете быстро и беспрекословно. Вопросов задавать не разрешаю. Все мои указания будут ясные и толкований не допускающие.

Режиссер сделал большие глаза, зажал обеими руками рот и энергично закивал головой. Алексей Алексеевич невольно рассмеялся.

– Будете учиться вставать в воде. Итак, лечь на воду ли-

цом вниз. Ноги развести в стороны, ступни развернуть носками внутрь. Руки вытянуть вперед и тоже развести соответственно ногам. Все тело должно быть абсолютно свободным и расслабленным. Глаз не закрывать. Вы должны почувствовать себя уютно висающим в воде. Зафиксируйте в себе это состояние. Затем Вы делаете медленный выдох в воду и одновременно поджимаете колени к животу. Вы почувствуете, что ноги начинают опускаться вниз, а голова приподнимается над водой. Можете помочь себе руками, вот так. Как только тело примет вертикальное положение, Вы выпрямляете ноги и встаете на дно. Выполняйте.

Смотреть сбежался чуть ли не весь пляж. Кое-кто тут же принялся повторять упражнение, стал хватать Алексея Алексеевича за руки. Посыпались вопросы.

– Вопросов задавать не разрешаю, – сердито повторил Алексей Алексеевич. – Если кто-то хочет учиться, я не возражаю. Но требование у меня одно: внимательно выслушивать, что я говорю, выполнять беспрекословно и держаться вот с этой стороны в поле моего зрения.

– Это что еще тут за тоталитаризм! – возмущенно затрясла многочисленными подбородками дама с массивным золотым распятием на груди. – У вас, товарищ инструктор, менталитет! И вообще, почему это Вы занимаетесь только одним отдыхающим? Это Вам не старые времена. Я буду жаловаться. Мне лично наплевать, что он элита и режиссер.

Дама величественно удалилась, гордо вздернув подбород-

ки. Нахапаров почесал в затылке, виновато поглядел на своего учителя и высказался в том смысле, что – да, пожалуй, в том конце набережной учиться было бы попроще. Бородастый Юра, который тоже случился среди наблюдающей публики, завопил со всей ему присущей, как успел уже Алексей Алексеевич заметить, энергией:

– Да бросьте, Алексей Алексеевич, внимание обращать на всяких... м-да. Посмотрите, скольким людям Вы доброе дело делаете.

Действительно, между Алексеем Алексеевичем и волнорезом в указанном им месте находилось больше десятка людей, молча глядевших на него во все глаза.

– Мы понимаем, что Вы отдыхаете, и все такое, – сказала женщина, державшая за руку мальчишку лет десяти-двенадцати. – Но уж раз Вы все равно учите...

– Я и сам у Вас взял бы пару-другую уроков. Плавание Ваше впечатляет. А взамен могу поучить теннису, идет? – продолжал Юра, но тут взгляд его сделался вдруг цепким и настороженным, Алексей Алексеевич невольно проследил за этим взглядом и досадливо сморщился. На берегу во всеоружии своей иронической улыбки стояла льдышка из третьего купе.

– Все, мужики, все, финиш, пора обедать, – Юра торопливо побрел к берегу.

– Какой обед, до обеда еще минут двадцать, – крикнул ему вслед Нахапаров, а уже выскочивший на берег и торопливо

надевавший кроссовки Юра наставительно ответил:

– Выделение желудочного сока надо начинать заранее.

Девушка все так же иронически разглядывала обоих мужчин. Режиссер поежился и сказал тихонько:

– М-да. Мерзко, когда красивая женщина смотрит на тебя подобным образом. Я – ладно, это еще понятно, но против Вас-то что она имеет? Не хлюпик какой-нибудь, мужик, можно сказать, в полном расцвете сил, интеллигентны, вежливы...

Алексей Алексеевич отмахнулся, а Юра, между тем, подскочил к девушке и ухватил ее под локоток. Девушка неторопливо высвободилась, и они медленно направились к ближайшей лестнице.

– Ну, что ж, – пробормотал Нахапаров, – проводив их глазами. – Красивая пара, хотя Вы, на мой взгляд, подходите ей больше.

– Глупости все это, – сердито сказал Алексей Алексеевич. – И вообще, у меня иммунитет, я человек разведенный.

3

За столом в соседстве с Алексеем Алексеевичем оказалась приятная пожилая – лет уже под шестьдесят – пара. Сосед чем-то неуловимо напоминал знаменитого некогда артиста Бориса Чиркова, а соседка... соседка была женщиной, обаятельной женщиной, женщиной до мозга костей. Алексей Алексеевич был очарован и невольно подумал о том, насколько... опасна... да-да, именно опасна была она в молодости.

– Давайте знакомится, – сказала соседка, безо всякого стеснения рассматривая Алексея Алексеевича, – только уж, пожалуйста, не надо отчеств, хорошо? Меня зовут Ольга, моего мужа – Борис, а Вас?.. Алексей?.. Скажите, Алеша, это Вы сегодня так красиво, так мощно плыли? Ну что же Вы смущаетесь, это прекрасно, когда человек делает что-то профессионально, и даже не просто профессионально, а с блеском.

– Например, отдыхает, – ввернул Борис.

– Отдыхать тоже надо уметь, – возразила Ольга.

– У меня такая ластва, – сказал Алексей Алексеевич, – а вот отдыхать я не умею. По крайней мере, на курорте.

– Это заметно, какой-то Вы неприкаянный, – сказал Борис, а Ольга добавила:

– Научим.

Из столовой они вышли вместе.

– Вы рошу реликтовых сосен уже видели? – спросил Борис. – Идемте, мы Вам покажем. Тут везде воздух замечательный, ну а уж там – это нечто. И вечером обязательно зайдите в бар.

– Полюбоваться на Викторию Павловну, – язвительно ввернула Ольга.

– Это барменша, – невозмутимо сказал Борис. – Посмотреть есть на что. Кстати, она прекрасная теннисистка...

– Конечно-конечно, – с еще большей язвительностью снова ввернула Ольга.

– ...но дело не столько в ней, сколько в коктейлях. Она их составляет на базе Новосветского шампанского с коньяком и прочими причиндалами, представляете?

– Нет, – честно сознался Алексей Алексеевич, – не представляю. Зачем разбавлять такую чудную вещь, как Новосветское шампанское, всякой дрянью, хоть бы и коньяком?

– А Вы приятный в общении человек, Алеша, – с некоторым удивлением сказала Ольга. – Говорите прекрасным языком, политика наша кретинская Вас не интересуется. И вообще, в Вас есть шарм. Вы должны очень нравиться женщинам.

– Вот уж не замечал, – пробормотал Алексей Алексеевич.

– Так-таки и... – с сомнением в голосе протянула Ольга. – Будь я хотя бы лет на десять моложе, мы с Вами непременно наставили бы этому обормоту рога, – и она взъерошила мужу волосы.

– Что Вы такое говорите, – ужаснулся Алексей Алексеевич, а Борис с коротким смешком заявил:

– Да куда бы Вы, Алеша, делись, коли бы она, тогдашняя, Вас атаковала? Таки и наставили бы. Но! Будь мы с тобою, мать, на десять лет моложе, я на этот мелкоприскорбный факт не обратил бы ни малейшего внимания. Виктория Павловна? Ха! Тут появилась такая девочка... – он выпятил грудь, приставил ладонь козырьком ко лбу и по-орлиному огляделся. – Да вон она.

По параллельной дорожке их стремительно догоняла льдышка из третьего купе.

– И ведь Борхеса читает, заметьте Алеша, Борхеса. Кстати, Вы его Каббалу читали?

Каббалу Алексей Алексеевич читал.

– Прекрасно, – с удовлетворением отметил Борис. – Я так и думал, кстати сказать. Так вот, у нас с женой по поводу одного места ведется давний спор. Рассудите нас. Помните, он там говорит...

Прав в этом споре, по мнению Алексея Алексеевича, был Борис. Однако, из чисто рыцарских побуждений, поддержал он Ольгу, благо аргументы – достаточно веские, или, по крайней мере, сходу не опровергаемые – у него нашлись.

– Ага! – орала Ольга, – Ну, что? Нашла коса на камень? Давай-давай, опровергай! Где твоя хваленая аргументация?

Спор разгорелся жаркий, обе стороны не сдавались, пришлось перенести его на скамеечку в роще реликтовых со-

сен. Через некоторое время Алексей Алексеевич с удивлением обнаружил, что девушка из третьего купе сидела от них неподалеку с открытой книгой на коленях, но явно не читала, а к их спору внимательно прислушивалась. Это подстегнуло его, он удвоил усилия, и, наконец, Борис заявил:

– Ну, ладно. Не могу сказать, что Вы меня убедили, но встречных аргументов у меня сейчас нет.

Ольга хлопала в ладоши и кричала в совершенном восторге:

– Вот так! Вот так! Это тебе не меня по стенке размазывать. Я всегда знала, что права.

Борис смущенно почесал в затылке.

– Аргументация у Вас нетривиальная, достаточно доказательная, но что-то в ней... я должен все как следует обмозговать. С вашего позволения, оставляю за собой право к этому спору вернуться. А кто Вы по профессии, Алеша? Филолог?.. Историк?..

– Читатель, – рассмеялся Алексей Алексеевич. – Читатель.

– Значит, профессиональный читатель... неплохо.

Девушка из третьего купе закрыла книгу, встала и направилась вниз, к морю.

– Она, что же, где-то тут сидела? – удивился Борис. – А я и не заметил.

– Где уж тебе заметить, – язвительно сказала Ольга. – Ты разливался соловьем. Токовал, можно сказать. А вот Алеша,

я это видела, заметил.

– Токуют глухари. Нет, постойте, так она, может быть, нас слушала?

– Еще как, – рассмеялась Ольга. – Ни словечка не пропустила. Ну что же Вы, Алеша, вперед! Идите за ней. Развивайте успех.

– Это не по моей части, – сказал Алексей Алексеевич, морщась. – Тем более что она меня почему-то терпеть не может.

– Главное, что не равнодушна, – наставительно сказала Ольга, супруги, обнялись и, распевая развеселую песенку о пижоне, отправившемся в турпоход в модных заокеанских “шухах”, пошагали вслед за девушкой и исчезли за колоннадой, которой заканчивалась реликтовая роща. Алексей Алексеевич остался один. Что делать, отдых как-то не вытанцовывался.

Неподалеку раздавались звонкие удары по мячу и веселые выкрики. Алексей Алексеевич не спеша побрел в ту сторону и через некоторое время вышел к теннисным кортам, два из которых были свободны, а на третьем его соседка по автобусу – та, что привезла с собой гитару – и режиссер энергично орудовали ракетками.

– Алексей Алексеевич! – заорал Нахапаров. – Идите сюда. Вы в теннис играете? А то Ирочка меня совсем загоняла. Смените, дайте дух перевести.

– Стоит ли? – усомнился Алексей Алексеевич. – В юности

пробовал, но с тех пор лет сто в руках ракетку не держал.

– Идите – идите, – махала рукой женщина. – Подумаешь, не держал! Вот сейчас и возьмете... Ну же, идите скорей сюда. Что Вы как тень отца Гамлета...

– Да нет, спасибо, как-нибудь в другой раз, – ответил Алексей Алексеевич и, отвернувшись, побрел прочь. За спиной снова послышались звонкие удары ракеток по мячу. На работу, что ли, позвонить? – подумал Алексей Алексеевич. – Где у них здесь телефон?

Телефон, как оказалось, расположен был в вестибюле второго корпуса. Очередь Алексею Алексеевичу тут же и сообщила, что корпус этот в санатории самый “фешемобельный” и элитарный – надо же, и среди элиты есть своя элита, рассеянно удивился Алексей Алексеевич – что находятся в оном корпусе исключительно люксы, а уж если и не люксы, то самые клевые номера на одного человека. В разгар обсуждения этой животрепещущей темы в вестибюль вошла льдышка из третьего купе и целеустремленно направилась к лифту. Поймав на себе ее взгляд, Алексей Алексеевич сделал большие глаза и со всеми возможными почтительностью и пиететом оглядел окружающую роскошь. Девушка нахмурилась, хотела что-то сказать, но дверцы лифта открылись перед нею, она отвернулась, шагнула внутрь и уехала. Настроение у Алексея Алексеевича тут же несколько и улучшилось, отчего самому ему сделалось смешно.

Пятнадцатикопеечные монеты – вещь на юге безумно де-

фицитную – Алексей Алексеевич предусмотрительно привез с собой во вполне достаточном количестве, можно было не экономить. Новость, которую он услышал, того стоила. “Сашка-охламон”, оставшийся вместо него исполнять обязанности завлаба, просто захлебывался от возбуждения и желания как можно скорее сообщить “Ал-Алу” все успевшие накопиться новости.

От О’Нила, оказывается, пришло письмо, содержащее сразу два потрясающих известия. Во-первых, Алексей Алексеевич вскоре должен был получить приглашение принять участие в конгрессе, “имеющем себя быть” в апреле будущего года в Сиэтле. Во-вторых, О’Нил прислал “дорогому другу” Алексею Алексеевичу тезисы своего доклада, по которому хотел бы знать “дорогого друга” Алексея Алексеевича мнение.

– Это часть нашей пятнадцатой, вся шестнадцатая и боком залезает на семнадцатую серии, – орал Сашка в трубку. – Он сегодня звонил, спрашивал тебя. Так я ему сказал, что у нас есть во многом схожие результаты, вот только основной массив данных лежит в верхней части спектра, да и истолковываем мы их несколько иначе. Старик заволновался, предлагает обменяться полными результатами серий и попробовать подготовить общий доклад. Или, во всяком случае, как-то состыковаться. А насчет денег на заграникомандировку, Ал-Ал, не сомневайся, я ходил к “столпу”, он обещал выделить, – “столпом науки”, или сокращенно “столпом” со-

трудники института окрестили зама по научной работе.

Трубка вибрировала и тряслась, голос Сашкин, казалось, слышно было даже за пределами корпуса. Смысл всех его воплей сводился к тому, что и заболел, и уехал “на юга” шеф уж очень не вовремя и, вообще, некстати, ну а что теперь делать и как быть он, Сашка, представления не имеет.

Алексей Алексеевич с трудом вклинился в Сашкин монолог и велел, с тезисов О’Нила копию сняв, с проводником ближайшего поезда оную копию ему, Алексею Алексеевичу в Севастополь переправить.

– Звонить тебе буду домой завтра поздно вечером. Не забудь только номер вагона и имя проводника записать, а то знаю я тебя. Ты будешь каяться и извиняться и бить себя в грудь кулаком, а я вдоль состава бегать, проводников ловить и опрашивать: не оставил ли кому длинный лохматый очкарик бумаги для передачи...

Вести были неоднозначные, как к ним относиться, вот так сразу Алексей Алексеевич решить не мог. О’Нил наступал на пятки в области, где Алексей Алексеевич привык считать себя и сильнее, и дальше продвинутым. Но, с другой стороны, совместный доклад был вещью лестной и вполне в духе времени, а если бы удалось договориться и скоординировать усилия, они с О’Нилом рванулись бы вперед с такой скоростью, что прочим конкурентам в их непростой проблеме делать стало бы и вовсе нечего.

Алексей Алексеевич машинально глянул на часы и обмер.

Еще полчаса назад ему полагалось быть у врача. Он и побегал. Нет, что ни говори, а санаторный отдых грозил обернуться делом хлопотным и суетливым.

Кабинет врача отыскался как-то сам собою. Против ожидания, вместо длинной очереди мающихся людей перед дверью кабинета сидела лишь одна оживленно беседующая пара – гаремная дама-конфидентка и очень импозантный мужчина с красивыми седыми висками. Алексей Алексеевич пристроился рядом. Дама сухо кивнула ему, чему Алексей Алексеевич, в ситуации сходу не разобравшись, невнимательно удивился.

– Так я подожду Вас там, внизу, – говорил мужчина, глядя на даму маслено. В это время дверь кабинета открылась, выпуская... – тесен мир санаторный! – льдышку из третьего купе. Конфидентка скользнула внутрь, и Алексей Алексеевич остался один, поскольку и девушка, и мужчина с красивой сединой покинули коридор с редкостной стремительностью.

Ждать даму пришлось долго. А когда она появилась, то в разговоры с Алексеем Алексеевичем вступать не стала. Ну, что ж, – подумал Алексей Алексеевич с самого себя рассмешившимся облегчением, – эта проблема, похоже, разрешилась сама собой. Он постучал, сунул голову в приоткрытую дверь, спросил: “Можно?” и услышал в ответ сакраментальное:

– А-а, вот это кто. Это за Вами сегодня спасатели на катере гонялись?..

Закончив обследование, врач некоторое время смотрел на

него пристальным немигающим взглядом. Алексей Алексеевич поежился и, прерывая затянувшееся молчание, сказал:

– Ну что, доктор, сейчас Вы мне скажете, чтобы я сидел – себе на песочке и на море только поглядывал, а вот плавать – ни-ни?

– Отчего же, – возразил врач. – Плавайте на здоровье. Не с такой интенсивностью, конечно, но море Вам не противопоказано. Профиль у нашего санатория не Ваш, Вам бы лучше в Кисловодск. Но уж раз приехали, подлечим. Мышцу сердечную не перенапрягайте. И при малейших неприятных ощущениях, уж пожалуйста, сразу ко мне. А назначу я Вам пока вот что...

Назначений было много. И ванны, и массаж, и какие-то токи Бернара, и озокерит, и уколы. Особенно поразил Алексея Алексеевича своей экзотичностью некий “кислородный коктейль”. Показался он ему вещь крайне глупой, никчемной и даже вздорной, но уж раз назначают... врачу видней.

– Таблеточки попьете, – говорил, между тем, врач, – я тут Вам в санаторной книжке написал, обратитесь к старшей медсестре, она выдаст. А насчет плавания, вот что. Я всегда мечтал освоить баттерфляй. Кролем-то я плаваю, и даже, вроде бы, неплохо... может, покажете?

Алексей Алексеевич рассмеялся и, увидев, что врач растерянно захлопал глазами, поспешно сказал:

– Никаких проблем. Тут у меня уже целая группа собирается. Отчего же, конечно, научу.

Он поблагодарил врача, попрощался и вышел из прохладного здания наружу. После полумрака кабинета яркий свет буквально ослепил его. Легкий ветер шелестел глянцевой листвой деревьев, и одуряюще пахли цветы. Алексей Алексеевич взглянул на часы. Время подбиралось к ужину, но жаркое южное солнце стояло еще очень высоко. Первый бестолковый санаторный день никак не желал приближаться к концу.

4

Море было неправдоподобно синее, небо голубое, зелень отливала глянцевым лаком, и солнце шпарило просто умопомрачительно. Как крутой кипяток. А вот что касается отдыха... Был он какой-то рваный, фрагментарный, одновременно суматошный и тягучий, и не было в нем привычной упорядоченности. Системы в нем не было, вот в чем дело.

Часами валяться на песке казалось Алексею Алексеевичу делом в высшей степени никчемным и даже глупым, бесцельное барахтанье в воде тоже, в общем-то, особого удовольствия не доставляло, а волейболистом он, по здешним меркам, оказался вовсе уж никудышным, что мгновенно и выяснилось, как только он вышел на площадку.

Санаторный быт налаживаться никак не желал. Бородатый Юра оказался существом невероятно общительным и успел бы надоесть Алексею Алексеевичу горше горькой редьки, если бы не еще одна его отличительная особенность – умение исчезать с глаз долой совершенно внезапно и с умопомрачительной скоростью. Он постоянно мурлыкал переделки популярных песенок, иногда смешные и остроумные, иногда не очень, но всегда невероятно прилипчивые.

Спать Алексей Алексеевич в первую же ночь перебрался в лоджию. Юра во сне время от времени основательно всхрапывал, сон у Алексея Алексеевича был, мягко говоря, чут-

кий, погода стояла прекрасная, так что решение это напрашивалось само собой.

Обустройства даже и на временное жилье Алексей Алексеевич любил основательно, недаром друзья-аквалангисты во время всех экспедиций неизменно назначали его казначеем отряда и, вообще, старшиной. Прежде всего, следовало обеспечить себя электричеством. Алексей Алексеевич привык на сон грядущий прочесть страницу-другую, а свет в их с Юрой лоджии не горел, хотя лампочка оказалась исправной. Да и розетки в комнате тоже барахлили, так что даже утреннее бритье превращалось в проблему, а все привезенные им с собою принадлежности для варки кофе валялись в сумке не распакованными. Убиравшаяся в комнате нянечка посоветовала Алексею Алексеевичу вызвать электрика, для чего нужно было оформить вызов записью в журнале у старшей медсестры. Давая этот совет, нянечка глаза свои прятала и, как выяснилось, недаром. За целый день электрик в их комнате так и не появился.

Единственным настоящим удовольствием были далекие заплывы, в которые он уже дважды уходил ранним утром задолго до завтрака, пока спасатели еще не появились на пляже.

Отношения со спасателями у Алексея Алексеевича грозили установиться непростые. Та смена, с которой он познакомился в первый день, была настроена вполне благожелательно, тем более что уговор им соблюдался неукоснительно,

по крайней мере, днем. А вот сменщики безо всякого видимого повода отнеслись к нему подозрительно и недружелюбно, и было это обстоятельство Алексею Алексеевичу крайне огорчительно, поскольку один из них являлся владельцем великолепной доски для виндсерфинга. Оный виндсерфинг мог бы заметно скрасить здешнее Алексея Алексеевича существование, но – увы, увы – нет в мире совершенства.

Настроение у Алексея Алексеевича было не то чтобы уж вовсе пакостное, но, в общем, не ахти. Унылое, можно сказать, настроение. За свой второй санаторный день он обнырял все окрестные бухточки, снабдил своих новых знакомых великолепными рапанами, сходил в горы, вернее в те места, которые носили здесь столь громкое название, и перед ним, что называется, во весь рост встал вопрос, что же делать дальше?.. Наутро после заплыва он съездил в Севастополь к московскому поезду. Вернувшись и выяснив, что электрик в комнате так и не появлялся, пробежался по территории в тщетных поисках этого неуловимого Яна, который всюду "только что был тут" или "минут пять, как вышел", и если бы не Сашка-охламон, предусмотрительно переправивший ему не только послание О'Нила, но и результаты последней серии экспериментов, окончательно пал бы духом.

А тут еще слова соседки по столу о женском к его особе внимании стали вдруг сбываться самым комическим образом.

Во время своих вчерашних блужданий по окрестностям

Алексей Алексеевич обнаружил, что мыс, замыкающий дикую бухточку, состоит практически полностью из того особенного ила, который здесь почему-то носил название "голубой глины". По опыту зная, что в тоще этого ила могут находиться окаменевшие ракушки и иные достопримечательности, он, машинально распевая Юрино:

Жил был у бабушки
Серенький дедушка,
Серенький дедушка,
Старый к-козел...

с увлечением принялся за раскопки. И вот, в самом разгаре этой своей, так сказать, деятельности, он вдруг обнаружил, что за ним со специфическим интересом наблюдают две девушки, скорее девчонки, может быть даже школьницы и несовершеннолетние. Впрочем, в этом последнем обстоятельстве Алексей Алексеевич отнюдь не был уверен, женский возраст всегда был для него тайной за семью печатями, а нынешние аксельраточки... да и в костюмчики купальные девчушки облачились более чем вызывающие. Были девчонки загорелые, как головешки, и явно местные. Одна из них, во подражание девицам из журнала "Плейбой", весьма откровенно посасывала указательный палец, вторая, ближняя, стояла, картинно выставив бедро и засунув большие пальцы рук под резинку купальных штанишек, будто бы собираясь

вот в эту самую минуту скинуть их с себя к чертовой матери. Алексей Алексеевич прекратил пение и нахмурился.

– А чего это Вы тут делаете? – поинтересовалась ближняя, завлекающе поводя бедрами.

– Клад ищу, – буркнул Алексей Алексеевич. – Вы бы, девочки, вот что, вы бы шли бы...

Девчонки жизнерадостно фыркнули, потом дальняя извлекла изо рта обслюнявленный палец и мечтательно сказала, вздев очи горе:

– Жила была девочка...

– Ага, – перебила ее подруга, пупок на теле которой выделял уже и вовсе немыслимые пируэты, – с тридцатилетним мужиком.

–... и было ей хорошо! – жизнеутверждающе закончила первая, после чего обе девицы с громким хохотом скрылись за мысом.

“Резвятся, мерзавки”, – хмыкнул Алексей Алексеевич, и тут же забыл обо всем на свете, поскольку в руках у него оказался великолепный кусок окаменевшего дерева.

Однако история с девчонками на этом не окончилась.

После обеда, по необходимости прервавшего упорные поиски электрика, Алексей Алексеевич с Борисом и Ольгой на минуточку присели на скамейку под колоннадой. Новые друзья восхищенно вертели в руках его вчерашнюю находку и с увлечением рассуждали о том, какие из нее можно сделать замечательные украшения.

– Это палеозойский хвощ, – авторитетно утверждал Борис. – Я когда-то в ранней молодости – или, может быть, в позднем детстве, это уж как угодно – увлекался всякими допотопностями. До сих пор кое-какая литературка сохранилась. Великолепный экземпляр, Вам, Алеша, повезло.

– А нам на Ваш клад можно посмотреть?..

Алексей Алексеевич обернулся. По тропинке, проходившей слева и чуть ниже подошвы колоннады, танцующей походкой двигались вчерашние девушки. На этот раз они были одеты, но материал их платьев по прозрачности мог смело соперничать если и не с рыбацкой сетью, то уж с оконным тюлем – несомненно. Любительница сосать палец послала Алексею Алексеевичу воздушный поцелуй, после чего обе они, переглянувшись, грянули в два голоса на популярный некогда мотив, вновь выплывший в этом сезоне из далекого и вполне заслуженного небытия:

Куда б пойти?

Куда б податься?

Кого б найти?

Кому б отдаться?

Алексей Алексеевич от смущения чуть не свалился с лавки. Девушки с радостным хохотом скрылись в кустах.

– М-да, – сказала Ольга, – а Вы еще говорите. Вон какие пичуги на Вас заглядываются.

– При чем здесь я? – пробормотал Алексей Алексеевич. – Они бы такое проделали с кем угодно. Резвушки. . .

– Не скажите, – возразила Ольга, а снизу, из кустов, как бы в подтверждение ее слов, уже доносились возмущенные девичьи крики. Крики эти были облечены в незамысловатые выражения, самым удобоваримым из которых было обещание оторвать некоей “плесени” и, вообще, “козлу” кое-какие из приличествующих мужчине частей тела. Из кустов, блудливо посмеиваясь, вынырнул седовласый красавец, тот самый, которого Алексей Алексеевич встретил у врача в обществе своей автобусной confidentки. Столкнувшись с их компанией, седовласый на секунду оторопел, но тут же опомнился и стремительно удалился, отвернувшись и покашливая. Борис, задумчиво проводил его глазами и сказал:

– Если Вы помните, у Шварца в "Драконе" есть замечательная фраза: “Лучшее украшение девушки – скромность и прозрачное платье. . .” Да. . . А я тут как-то, правда, уже не помню у кого, подцепил к сей сентенции некое парное выражение. В моей интерпретации оно звучит так: “Лучший друг девушки – истошный вопль”.

Алексей Алексеевич невольно прыснул, а Ольга не без ехидства осведомилась:

– Ну и раз уж “лучшие украшения” пичужек вполне соответствуют, что ты можешь сказать о невинности этих юных представительниц не то, чтобы панели, но набережной?

– Они находились слишком далеко для того, чтобы я мог

дать квалифицированное заключение, – невозмутимо ответил Борис.

– Видите ли, – обратилась Ольга к Алексею Алексеевичу, – Борис разработал на сей счет целую теорию. Он утверждает, что невинность девушки совсем не определяется девственностью. Что девушка может случайно потерять девственность, не лишившись при этом невинности. И наоборот, что девственница далеко не всегда невинна.

– Не понял, – ошеломился Алексей Алексеевич.

– Видите ли, признаком бесспорной невинности у девушки является конический сосок, – с не лишённой иронии важностью вмешался Борис. – Вы никогда не обращали на это внимания Алеша?

Алексей Алексеевич пожал плечами и пробормотал:

– Случая не было.

– Сосок у девушки становится цилиндрическим только после долгих и обстоятельных ласк, – сказал Борис наставительно. – Именно на это намекал Ремарк в... помните, у него есть такой персонаж – девушка, которая разрешала партнерам все, что угодно, кроме одного – ласкать свою грудь?.. Рассказать Вам как мы с Ольгой познакомились? Это было в Питере в Эрмитаже. Да-да, представьте себе, эрмитажные знакомства не такая уж редкость для московской интеллигенции, на свои музеи нам все времени не хватает. Мне очень захотелось произвести впечатление на эффектную, я бы даже сказал – сногшибательно эффектную незнакомку. Ну и

я взялся показать ей на античной скульптуре – показать или доказать, это уж как Вам будет угодно – что античность не знала женской невинности... как, впрочем, не знает ее и нынешнее Крымское побережье. Как Вы насчет того, чтобы заглянуть с нами в бар?.. Нет?.. Ах, ну да, конечно, Вы же электрика ловите... – Супруги удалились.

В поисках электрика Алексей Алексеевич разговорился с неким ламесским старожилом. Старожил не преминул сообщить ему, что выход из подчинения Четвертому управлению самым печальным образом успел уже на санатории сказаться, и что множество мелочей “кричат об этом прискорбном факте в полный голос”. Принимая Алексея Алексеевича за своего, старожил со скорбной миной на лице поведал ему жуткую историю о том, что не далее, как вчера, записываясь на экскурсию в подвалы Массандры, *ОНИ* писали себе номерки на ладонях.

– Ужас, – говорил старожил со скорбным удовлетворением в голосе, – Кошмар! Что творится в стране? И лампочки в лоджиях не горят. И душой теперь только два на этаж. А в номерах всю душевую сантехнику поснимали. Импортную, между прочим. Украли, наверное. Хорошо еще унитазаы оставили.

Электрик не отыскивался, обустройство надо было брать в собственные руки. Алексей Алексеевич раздобыл у своих новых друзей – спасателей несколько метров электропровода и розетку, вытащил в лоджию тумбочку и журнальный

столик, на который водрузил настольную лампу. Юра немедленно включился в производственный процесс и приволок роскошное кресло-качалку, которое, по его словам, “шло навстречу по коридору и пело пионерские песни”. В конечном итоге, лоджия приобрела вид более обжитой и уютный, чем сама комната. Алексей Алексеевич опробовал розетку, включил и выключил лампу и удовлетворенно обозрел результаты своих трудов.

– И сказал он, что это хорошо. Он – это я, – с довольным вздохом изрек он. – Наконец-то можно варить кофе.

Алексей Алексеевич извлек из сумки большую жестяную банку с кофейными зернами, ручную мельницу, кипячильник и глиняную кружечку с очень толстыми стенками, обработанную с внешней стороны под ракушечник. Юра следил за ним со все более растущим благоговейным интересом.

– Это что же, – сказал он придушенным голосом, – кофей-то у Вас натуральный? В зернах? Молоть сами будем? А я, дурак, не догадался, растворимый приволок. Но и у нас тоже, как говорится, “было”. Вы к водочке как, Алексей Алексеевич? Употребляете? Настоящая “Смирновская”. Вечерком, по прохладе?

– Угум, – промычал Алексей Алексеевич, одобрительно кивая головой.

– Тогда я ее сейчас к Виктории Павловне в холодильник, – сказал Юра и, жизнерадостно распевая:

Шаланды, полные фекалий...

растворился в воздухе. А снизу, в корне пресекая наметившийся было процесс кофеварения, громовым голосом уже вопил режиссер:

– Алексей Алексеевич! Хватит трудиться во благо себя, любимого! Это эгоизм. Море заждалось. Да и широкие народные массы в нетерпении, меня делегировали, хотят видеть товарища инструктора вместе с его менталитетом.

Ох, черт, – спохватился Алексей Алексеевич, – я же обещал... Он кубарем скатился по лестнице и, выскакивая из корпуса, чуть не сбил с ног экс-конфидентку, пребывавшую на сей раз в обществе своей щукообразной подруги – оккупантки.

– Профессор!.. Эй, профессор!.. – окликнула его экс-конфидентка. – Что же Вы не откликаетесь, профессор?

Оккупантка, глядя на Алексея Алексеевича с суеверным отторжением, произнесла вполголоса нечто такое, что ошеломленный Алексей Алексеевич решил, что ослышался, тем более что экс-конфидентка и ухом не повела.

– Э-э... я не думал, что это Вы мне.

– Не так уж много у нас здесь профессоров, Ал-Ал, – возразила экс-конфидентка, и, демонстрируя совершенно поразительную осведомленность не только в его профессиональном статусе и институтском прозвище, но и в здешних делах, вернула не сразу им понятую шпильку о педофилии, после

чего с обезоруживающей улыбкой спросила:

– Ведь я могу Вас называть Ал-Ал, профессор? Вы не сочтете это амикошонством и фамильярностью?

– Ради бога, – пожал плечами Алексей Алексеевич, а Нахапаров подхватил его под руку и повлек прочь, бормоча:

– Тысяча извинений, милые дамы, тысяча извинений, время, Алеша, время, цигель, цигель, ай-лю-лю...

Однако же “милые дамы” с не меньшей скоростью тоже устремились по лестницам вниз, причем шука – оккупантка в незамысловатых выражениях громогласно изумлялась: “один – режиссер, другой чуть ли не академик”. Она разъясняла голубому небу, синему морю и вообще всему окружающему пространству, что именно с нею, шукой, из-за всего этого “убоя” может незамедлительно произойти вследствие слабости ее, шукиного, кишечника, а заодно и мочевого пузыря. Завершила шука – оккупантка свою тираду заявлением, что лично у нее “просто крыша едет”. “Ага, – театральным шепотом язвительно прокомментировала экс-конфидентка, – шифером шурша...” – после чего добавила с несколько снисходительной укоризной: “Ты бы, подруга, это... ты бы базар-то, все-таки, фильтровала. Кое-кто, похоже, в шокинге...” “Кто? – не понижая голоса, удивилась шука, но тут же и обрадовалась, догадавшись: – А-а, русо академико, облик морале...”

5

Вечером, когда Алексей Алексеевич корпел над докладом О'Нила, в дверь неожиданно ввалился Юра в сопровождении льдышки из третьего купе.

– Так вот кто твой сосед, – сказала она, с отвращением глядя на Алексея Алексеевича, – этот... хиппи, а ты говорил – физик.

– Какой же он хиппон? – удивился Юра. – Он и есть физик.

– В вагоне этот гражданин громогласно призывал чуму и на демократов, и на коммунистов одновременно, – возразила девушка. – Так сказать “на оба ваши дома”. Я сама слышала. Впрочем, это не важно, – добавила она с умопомрачительно великолепной рассеянностью в голосе, а Алексей Алексеевич бухнул первое, что пришло ему в голову:

– А вот Вы, по всей видимости, журналисточка.

Журналистов он не жаловал.

– Демонстрируете проницательность? – спросила девушка ледяным тоном.

– Где уж нам, дуракам, чай пить... – вздохнул Алексей Алексеевич, покосился на Юру и начал собирать бумаги. – Ну, ладно, не буду вам мешать.

– Это что еще за штучки, – свирепо накинулась девушка на Юру. Юра всплеснул руками и в волнении зачастил:

– Ты что, Алексей, я всего-навсего ей сказал, что ты здорово варишь кофе. И мы пришли. Чтобы попить.

Алексей Алексеевич в растерянности начал снова раскладывать бумаги на столе, спохватился, смешал их в одну беспорядочную кучу и сказал, очень про себя надеясь, что покраснел не слишком заметно:

– Простите, я, кажется, допустил неловкость.

– Не без этого, – язвительно сказала девушка. – Хотя... ведь Вы же, пардон, физик, так что будем снисходительны. И вообще, я не уверена, что мне по-прежнему хочется кофе. Тем более, на ночь.

– Да брось ты, Надюшка, – всполошился уже вполне оправившийся Юра. – Напьемся кофе, поболтаем, что вы бодаетесь друг с другом, как я прямо не знаю кто. Хватит уже... Ее зовут Надя, – сообщил он Алексею Алексеевичу. – А его...

– Я слышала, – сказала девушка. – Ну что ж, будем знакомы. Только не говорите, пожалуйста, что Вам очень приятно.

– Отчего же, – возразил Алексей Алексеевич, – все время мысленно называть Вас “льды... кхм... девушка из третьего купе” как-то не очень удобно. Так что узнать Ваше имя мне все-таки приятно.

– Ну, хватит, – нетерпеливо простонал Юра, извлекая на свет божий все соседские причиндалы для приготовления кофе. И вообще, может, мы в лоджию переберемся? Вечер-то какой чудесный.

Надежда уютно устроилась в кресле-качалке, приняла в

руки первую сваренную Алексеем Алексеевичем чашку кофе, отхлебнула глоточек, одобрительно кивнула головой и спросила рассеянно:

– А что Вы, собственно, имеете против журналистов?

– Опыт общения.

– Негативный?

– Мало сказать.

– Ругали, – понимающе кивнула головой Надежда.

– Напротив, – энергично возразил Алексей Алексеевич. –

Напротив. Хвалили. Да так, что потом на сотрудников глаза было стыдно поднять. Вот уж воистину “профессиональные дилетанты”, лучше не скажешь... верхоглядые чертовы. Ну а Вам физики чем не угодили? Что имеете против них Вы?

– Ничего, – сказала она, пожав плечами. – Если не считать того, что это все сухари и долдоны. Флюсы, если выразаться языком Козьмы Пруткова.

– И многих физиков Вы изволите знать?

– Никогда не стремилась к общению с этим народцем. Вы первый, – сказала Надежда и мило улыбнулась.

– Совершенно восхитительный образчик инвариантной логики, – сообщил Алексей Алексеевич настольной лампе. – Теперь я понимаю, почему угадал профессию нашей очаровательной гостьи. С такой легкостью.

Надежда картинно вздернула левую бровь.

– Мы, журналисты, еще с университетских времен усваиваем, что логика бывает одна, от Аристотеля, а все остальное

– от лукавого.

– Ох уж это мне университетское образование, – нарочито вздохнул Алексей Алексеевич и тут же поспешно добавил: – То есть, я имею в виду, гуманитарное, естественно. Математики у вас великолепные, да и физики, в общем-то, ничего. Но куда же Вы подевали логику диалектическую? Да и в том поле, где люди точных наук обходятся логикой формальной, у вашего брата-журналиста я насчитываю, по крайней мере, еще две.

– Да что Вы говорите? Ну же, давайте их сюда.

– Извольте. Рассмотрение проведем хотя бы на примере силлогизма.

– Чего – чего? – удивился Юра.

– Ну, это логическое построение, на базе которого делаются выводы, – небрежно пояснила Надежда. – Валяйте дальше, Алексей, я Вас внимательно слушаю.

Алексей Алексеевич покосился на Юру и продолжал, по привычке впадая в менторский тон:

– Силлогизм, как известно, включает в себя две посылки, большую или общую, и малую или частную, а каждая посылка – в свою очередь – два понятия, одно из которых является для них обеих одинаковым, общим. Для построения правильного вывода достаточно из посылок одинаковое понятие и объединить в одном выражении то, что от них осталось. Например. “Представители древнейших профессий торгуют собой”. Это первая посылка, общая. Вто-

рая, частная: “Журналисты – представители второй древнейшей профессии”. Изымаем общее понятие – в нашем случае, как легко видеть, это “древнейшая профессия” – объединяем то, что осталось, и получаем: “Журналисты торгуют собой”. Этот вывод абсолютно безупречен. Спорить против него бессмысленно.

– А я и не спорю, – вернула Надежда. – Я ожидала чего-то похожего.

– Прекрасно. Так вот это – то, что называется формальной, или в просторечии мужской логикой. Кроме нее существует еще логика ассоциативная, в просторечии именуемая женской. Пример. Первая посылка остается без изменений. Вторая – “Проститутки – представительницы первой древнейшей профессии”. Какой, по-вашему, в этом случае следует вывод?

– Ну, Алексей, ты даешь! – сказал Юра. – Тоже мне, вывод... Проститутки торгуют собой, что ли?

– Нет, – возразил Алексей Алексеевич, – так следовало бы по мужской логике. Женщина, следуя цепочке бессознательных ассоциаций, делает другой вывод. Женщина говорит: “Хорошо бы стать манекенщицей”.

Юра прыснул от неожиданности, но тут же спохватился и покосился на Надежду.

– Зря смеешься, – сказал Алексей Алексеевич. – Этот вывод, в принципе, тоже абсолютно безупречен. Другое дело, что он несколько, скажем так, неожиданный. Но мужчина,

если напряжется, может выстроить цепочку силлогизмов, в конце которой придет к тому же результату.

– Ты, конечно, в чем-то прав, – сказал Юра, по-прежнему косясь на Надежду. – Но в журналистике работает куча мужиков.

– Я говорю “женщина” в... э-э... расширительном смысле слова.

– Это понятно, – сказала Надежда. – Вы продолжайте, продолжайте.

– Разумеется, на один правильный вывод женская логика дает десять неверных, но это бы еще полбеды. Скверно, что пользуются женской логикой лишь исключительно порядочные журналисты. В основном же в журналистике в ходу логика инвариантная.

– А это что еще за зверь? – содрогнулся Юра.

– Не мешай, – набросилась на него Надежда. – Валяйте, Алексей, врите дальше, получается у Вас занятно. Я говорю: “врите” в... э-э... расширительном смысле слова.

– Ах, ну да. Я тоже понимаю. Так я могу продолжать?

– Сделайте одолжение.

– Итак, инвариантная логика. Общая посылка в этом случае не имеет значения, она может быть какой угодно. Частная посылка тоже не имеет ни малейшего значения. Все равно вывод к ним обоим никакого отношения иметь не будет. Вывод будет всегда один и тот же, а именно – какой был нашим журналистам заказан и оплачен. Собственно, отсюда и

происходит название этого типа логики, в переводе означающее "вариантов не имеет".

– Дорогой Алексей Алексеевич, – послышался откуда-то голос Нахапарова. – При чем здесь журналисты? Что ж Вы из пушки по воробьям? Мелочь это, журналисты. Эта самая Ваша инвариантная логика, она же характерна для всей нашей общественной и политической жизни. Послушайте, у вас там прорезался интересный разговор. Может быть, позвольте присоединиться? У меня тут как раз имеется парочка бутылок сухого. Мукузани.

– О, – оживился Юра, – Мукузани – это прекрасно. Волоките их сюда. Обе. Наш номер...

– Я знаю. Сейчас буду.

– Минуточку, друзья... Мы тут с Оленькой обменялись мнениями, – раздался из-за стенки лоджии голос Бориса, – и пришли к заключению, что Вы, Алеша, слегка передергиваете. Как и тогда, с Каббалой.

– Алеша, не верьте ему, – закричала Ольга со всей присущей ей экспансивностью. – Я всегда на Вашей стороне. О, о, как у вас пахнет кофе. А у нас с Борисом есть чудесный шоколадный набор...

– Тащите и вы, – завопил вконец разошедшийся Юра, – только чашки, чашки не забудьте. Или стаканы.

– Ничего я не передергиваю, – обиженно сказал Алексей Алексеевич.

– Передергиваете, передергиваете, бросьте, – заявила На-

дежда. – Причем, как всякий поднаторевший в дискуссиях человек, не в выводах, где Вас можно было бы поймать, а в посылках.

– Ай, Надюша, ай, молодец, – Борис вихрем пронесся по лоджии и чмокнул Надежде руку с таким пылом, что суть не опрокинул ее вместе с кофе и креслом-качалкой на пол, – ай, умница, вот спасибо. Я же знаю, что прав, я имею в виду – с Каббалой, Вы, мне кажется, в курсе нашей дискуссии... но он мне всю голову заморочил. Теперь я хоть понимаю, где искать, и все его посылки переверорощу... – А Ольга, усаживаясь на койку Алексея Алексеевича, весело рассмеялась и сказала:

– Борису все нейдет. Он снова рвется в драку. Задайте ему перцу еще раз, Алеша. Всыпьте, насыпьте, как следует. А я с удовольствием послушаю. Мы все с удовольствием послушаем.

– Эй, Вы, там, наверху, – со всеми модуляциями Аллы Борисовны пропел откуда-то снизу женский голос.

– Мы тут так расшумелись, мы мешаем людям отдыхать, – огорченно сказал Алексей Алексеевич.

– Вовсе нет, – поспешно возразил голос. – Я в смысле – "сейчас сама я к вам приду". Можно? Вот только насчет вклада... Захватить с собой могу только стакан и гитару.

– Это Вы, Ирочка? – заорал непонятно когда уже успевший материализоваться в лоджии Нахапаров. – Давайте, давайте к нам сюда. Я думаю, общество возражать не будет?..

Это очень милая женщина, и слышали бы вы, как она поет.

– Меня смущает только одно, – сказала Надежда, обращаясь к Алексею Алексеевичу, – мы, кажется, прервали Ваш мыслительный процесс. Вы же тут, миль пардон, работали. Из кинофильмов я знаю, что физики работают всегда, даже в ресторанах, а самые основные свои выдающиеся теории и идеи пишут на салфетках. На бумажных салфетках.

– А-а, кинофильмы все врут, – махнул рукой Нахапаров. – Заверяю Вас, как профессионал. В этом мы с вами, журналистами, схожи.

– Итак, у нас тут спонтанно образовался дискуссионно – развлекательный клуб, – с удовлетворением констатировала Ольга. – Только чтобы без занудства, без отчеств и без профессионализмов.

– Без профессионализмов – это сложно, – запротестовал Борис. – Мы привыкли.

– Перебеешься, – живо возразила Ольга. – Мне, к примеру, ваше “петухи задом не ходят”, уже вот так, – она энергично провела себя ладонью по горлу и пояснила окружающим: – у коллег моего муженька сей идиотизм есть излюбленное выражение. А что поет Ирочка? Романсы? Это замечательно. Я лично соскучилась по хорошему камерному исполнению.

– Дискуссионно – развлекательный клуб, да без профессионализмов, – это прекрасно, – поддержал ее Нахапаров. – Еще классики говорили насчет спасения утопающих. С на-

шей культуоргшей можно общаться разве что в розарии. “Глория дей... Крейслер-империал... Чикаго писс... Дам де кер...”, а вот который из этих сортов роз пылкий, который жгучий или, там, нежный – это уж к ней, я соответствовать не могу. Но не слышавшим настоятельно рекомендую... А вот и Ирочка.

Ира оказалась той самой миловидной женщиной с гитарой, что была соседкой Алексея Алексеевича по автобусу.

– Алексей Алексеевич, я вот тут еще кипяtilьник захватила на всякий случай, у меня мощный. Вы ведь кофе кипяtilьником варите?

– Это что еще за Алексей Алексеевич? – всполошилась Ольга. – Его зовут Алеша. В крайнем случае, Алексей. Мы с Вас будем драть штраф, Ирочка. Романсами. Вам присутствующих представить?.. Не надо?.. Вот и чудненько.

Все хлопотливо рассаживались по койкам, дружно уступая друг другу кресло – качалку, пока его, в конце концов, не оккупировала Ольга на правах “самой старшей из сисююствующих здесь дам-с”. Откуда-то появился пузатый фарфоровый чайник узбекских размеров и узбекской же раскраски. Кофемолка, переходя из одних усердных рук в другие, извергала из своих недр одну порцию старательно перемолотого кофе за другой. Работа, похоже, откладывается на завтра, вздохнул Алексей Алексеевич. Но тут же, поймав себя на том, что во вздохе этом была изрядная доля лицемерия, рассмеялся и принялся варить кофе.

6

На следующее утро купаться с Алексеем Алексеевичем увязалось чуть ли не все ночное общество. Любивший поспать Юра пошел потому, что так захотела Надежда, Нахапаров – потому, что с этого дня решил провозгласить себя адептом исключительно здорового образа жизни, Ольга с Борисом пошли просто так, за компанию, и только Ира заявила, что расстреляет из гитары каждого, кто попробует ее поднять до восьми часов утра.

Купаться решили в бухточках рядом со спасательной станцией, поскольку обществу почему-то подумалось, что оккупировавшая их торговля обязана в столь ранний час пребывать в объятиях Морфея.

Однако, как выяснилось, идея здорового образа жизни глубоко внедрилась в широкие торговые массы. Первая же особь рода человеческого, на которую они натолкнулись, спустившись вниз, оказалась той самой дамой с распятием, что так энергично протестовала против наличия у Алексея Алексеевича менталитета.

Монументально возвышаясь над несколькими своими товарками, обладавшими значительно более скромными габаритами, она величественно растирала полотенцем свои многочисленные подбородки.

Увидев выходящую на пляж компанию, она немедленно

обратилась к товаркам, как бы продолжая ранее начатый разговор, и изрекла, возвысив голос до пределов возможного:

– И вообще, настоящие, э-э, гастрономы пьют кофе не только без конфет, но вовсе без ничего. Он, – местоимение “он” она выговорила с особенным удовольствием и даже с неким шиком, – он так гораздо вкуснее. Гораздо!

Высказавшись, она развернулась с грацией ИЛ-86, выполняющего на взлетную полосу, и сверху вниз вонзила в Бориса презрительный взгляд.

– Так то гастрономы, – вздохнул Борис с завистливым сожалением, – а тут, как на грех, собрались одни универсамы.

Дама негодуяще фыркнула ему вслед.

– Ты не язви, не язви, – сказала Ольга с коротким смешком. – Ты лучше посмотри вон на ту, пухленькую. Как раз в твоем вкусе. Ну, и что же ты? Вперед, в атаку. Неужто тебя смущает присутствие жены?

– Ваши инсинуации, мадам, – с достоинством изрек Борис, – мы отвергаем с негодованием и где-то, может быть, даже с презрением. Женщины с крестом на шее для меня не существуют.

– Это еще почему? – удивился Алексей Алексеевич.

– Они меня пугают, – ответил Борис. – Я теряюсь в их обществе. Я просто не знаю, как с ними разговаривать. Представьте себе, я ей: “Моя ласточка, моя душечка, взгляд суровый свой прогони”, а она осенит меня размашисто крестным знаменем и заявит: “Изыди, искуситель, сата-

на прелюбодейная, адюльтерная!”.

– А как же, к примеру, Ира? – настаивал Алексей Алексеевич. – У Иры, вон, тоже крестик?..

Нахапаров смотрел на Бориса во все глаза.

– Это надо же такое... заферлупонить... "Отвергаем с негодованием и презрением..." Давненько я этой формулировки не слыхивал. Сразу же заорать захотелось как в те далекие времена: "Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство!" Хотя... возможно, еще и не то услышим. Все может быть. Как поется в старой песенке: "В воздухе пахнет грозой".

– А то, что происходит в стране сейчас, Вам нравится? – с вызовом спросила Надежда.

– Смотря что Вы имеете в виду, – серьезно ответил Нахапаров. – Если демонтаж...

– Я имею в виду развал великой державы, к которому ее ведет нынешнее руководство, – запальчиво заявила Надежда. – Государства преходящи, страна вечна. Наши предки создали ее такой – от Балтики до Тихого океана и от Новой Земли до Кушки. Кто мы такие, чтобы разрушать дело их рук?

– Империи не вечны, Надя, – умиротворяюще вздохнул Нахапаров.

Надежда картинно вздернула бровь.

– Ну уж Вам-то такое говорить никак не пристало. Вы же умный человек. Это Союз-то империя? Тогда о каком таком

суверенитете рассуждает Верховный Совет России – метрополии этой самой империи? Кстати сказать, где Вы видели империи, в которых колонии живут за счет метрополии? В которых метрополия развивает промышленность в колониях и обучает национальные кадры, надрываясь, кстати сказать, развивает... вместо того, чтобы использовать эти самые колонии в качестве сырьевых придатков? Нашли империю.

– Вы член партии, Наденька? – спросила Ольга.

– Да, – с вызовом ответила Надежда.

– И не собираетесь выходить?

– Я не проститутка, какого бы мнения на этот счет не придерживались некоторые из присутствующих.

– Что же Вы так волнуетесь, Наденька, поберегите нервы, – с умиротворяющей улыбкой сказал Борис. – Тем более, если, как Вы говорите, страна вечна.

– Это задевает меня очень сильно, – сказала Надежда, – извините, но шуток на это тему я принять не могу. И напрасно вы, демократы, выводите себя генетически от белого движения. Белое движение объединяла отнюдь не идея Учредительного собрания и, уж конечно, не монархическая идея, а идея единой и неделимой России. Метгер в воспоминаниях описывал, как чекисты после войны допрашивали в Чехии старых белогвардейцев, и те прямо говорили – если бы знали, что все заявления о самоопределении вплоть до отделения есть пустая риторика, никогда бы не стали воевать против...

– Значит, по-вашему, в Прибалтику надо вводить танки? –

насупясь, перебил ее Нахапаров.

– А Вы знаете результаты референдума, в том числе и по Прибалтике?

– И все-таки? Вы не ответили на мой вопрос.

– Физическая сила, увы, пока еще остается самым убедительным аргументом для демагогов, которые пробрались к власти и не желают слушать собственный народ. Это не мною придумано. Национальные корни для них всего лишь мелкая монета разменная в своекорыстных интересах.

– Это точно, – хмыкнул Юра. – Горячим прибалтийским парням в ООНх сидеть захотелось. Лично.

– Вот видите, – сказал Нахапаров, – даже эта милая девушка... Ах, как соблазнительно решать споры кулаками. Только в этом деле есть одна закавыка: все страдания при такого рода “разборках” почему-то достаются именно на долю народа. Того самого народа, во имя которого... М-да.... То ли еще будет, ой-ей-ей. Кстати, я вспомнил, где я Вас видел, Надя. Ведь Вы с телевидения? С первого канала? Мы как-то раз встречались у...

– Я помню, – резко перебила его Надежда.

– Ну и вообще, – снова вмешался Юра, – прямо уж так-таки сразу и танки? Один мой дружок пописывает стишки. И у него есть строки:

Чтоб с кулаками брат не лез на брата,

Им пальцем пригрозить достаточно вполне,

Его расположив на спуске автомата...

Компания будто взорвалась единодушным воплем. Сгрудившись у самой кромки воды и совершенно позабыв о своей изначальной цели, все гомонили разом, размахивая руками и перебивая друг друга. Нахапаров, с видимым трудом проглатывая рвущиеся с языка непечатные эпитеты, орал о том, что эти два... деятеля... из-за своих амбиций не могут договориться друг с другом, а все хрупкое здание перестройки, между тем, готово рухнуть, о чем и предупреждал Шеварднадзе публично. Надежда втолковывала Ольге свое весьма нелестное мнение по поводу “так называемых национальных элит”: “Когда турки гуляли по Закавказью справа налево, а персы – слева направо, жгли города, убивали мужчин и насиловали женщин, вот тогда русские были братья и спасители и единоверцы, потому что это русские парни умирали вместо грузин с армянами на кавказских перевалах. А вот теперь мы стали для них оккупанты”. Алексей Алексеевич, возражая Нахапарову, кричал, размахивая пальцем у самого носа режиссера: “Э-э нет, речь идет отнюдь не об амбициях. Речь идет о разных схемах перестройки, разных, так сказать, ее формулах”. Борис энергично возражал Надежде. “Вы, как и Горбачев, кстати сказать, попали в плен собственной партийной демагогии, – кричал он. – Что это за штука такая, что это за пресловутая общность – единый советский народ? Этот самый советский народ распадается на сотни на-

циональностей. И у всех взаимные претензии, обиды, иногда даже ненависть, причем вековая. Я в пятидесятых годах в Абхазии анекдотец слышал о дружбе народов по-кавказски. Это когда собираются вместе все окрестные народы и народности и дружно идут бить грузин, вот так-то".

Алексей Алексеевич опомнился первый, стал хватать друзей за руки, пытаясь привлечь к себе внимание и ввести спор хотя бы в более или менее регулярное русло, но тщетно. Надежда кричала Борису, что в создании этой великой страны принимали участие отнюдь не только русские. Что среди ее героев есть и украинец Хмельницкий, и грузин Багратион, и армянин Баграмян, но Борис, уже перескочивший с национального вопроса на экономические рельсы, втолковывал Нахапарову, что Ельцин – прагматик, все его контакты находятся среди управленцев, среди чиновников, а это, извините, сила. Их в стране чуть ли не пятнадцать миллионов. И это самый активный, самый образованный, самый динамичный слой населения... класс, можно сказать.

– Интересная мысль, – задумчиво сказал будто бы на скаку остановившийся Нахапаров. – Пугающая. А кто Вы по профессии, Борис?

– Да как Вам сказать... в общем, банковский служащий.

– Понятно...

Общий гвалт постепенно стихал, собеседники начали поглядывать друг на друга с некоторым смущением.

– Господи-боже-ты-мой, – Надежда беспомощно пожала

плечами, – никак не могу поверить, что все вокруг такие слепые. Неужто вы не видите, что является движущей силой этой самой перестройки? Подпольный капитал, накопленный вот этим жульем! – она ткнула пальцем за спину. – Он рвется наружу, к легальности, к власти. И если все будет дальше идти как сегодня, то завтра они, – она снова ткнула пальцем за спину, – окажутся владыками жизни. И всем завоеваниям социализма придет конец.

– Боюсь, что Вы все упрощаете, Надя, – вздохнул Алексей Алексеевич, – Я бы мог у Вас спросить, а кто создал в стране такие условия, в которых стало возможным появление и процветание жулья? Но бог с ним, с жульем. Властелинами будущей жизни, хотим мы того или нет, будут вот они, – он кивнул головой на Бориса.

– И прежде всего те, что сидят на валюте... ну и, естественно, чиновники при нефтяной трубе, – добавил Нахапоров.

– Вы нам льстите, – рассмеялся Борис.

– Отнюдь.

– А знаете, – вмешался Юра, – во многом я ни с Игорем, ни с Алексеем не согласен, но вот тут-то они правы. На все сто процентов. Недаром в народе говорят, на чем сидим, то и имеем. И вообще, в нынешней ситуации быть господином по положению – великое дело. Хотите стихи по этому поводу? Моего приятеля стихи.

Господин по положению
В интересном положении –
Ожидается рождение
Господина положения.

– Неплохо, – хмыкнул Алексей Алексеевич, – Очень даже неплохо. Ну а что касается социализма, то нет у нас никакого социализма, ни развитого, ни неразвитого, а есть у нас самое обыкновенное, прямо по Марксу, политарное государство с азиатским способом производства.

– Ругань – это не аргумент, – набычилась Надежда.

– А я и не ругаюсь, – пожал плечами Алексей Алексеевич. – По Марксу, это еще одна экономическая формация, к изучению и даже упоминанию воспрещенная личным ударом кулака Иосифа Виссарионовича.

– Никогда ни о чем таком и не слыхивала, – вызывающе сказала Надежда.

– Ну и как тут вновь не посетовать на это самое пресловутое университетское образование? Дело в том, милая Наденька, что Вы изучали общественные науки, так сказать, цитатным методом: том такой-то, страница такая-то, абзацы третий, четвертый и шестой, начиная с таких-то слов.

– Можно подумать, что физики это делают иначе.

– Я бы мог возразить, что общественные науки не являются нашей профессией. Но дело, конечно же, в другом. Просто люди науки, если уж они решают в чем-то разобраться,

делают это системно: основополагающие работы, источники, критика справа и слева...

– Короче говоря, все, до чего сумеешь дотянуться? – Нахапаров почесал себя пальцем по темечку. – Признаться, я тоже ни о чем подобном не слышал. Что это за политарное государство, если в двух словах?

– Возникло оно в одно время с рабовладельческим и до сих пор существует. Очень устойчивая, и потому склонная к застою система, развалить которую иначе, чем изнутри, причем с самого верха, невозможно. Представьте себе некую производственную единицу с ее управленческим аппаратом в виде пирамиды – внизу рабочие, сверху управленцы. Тогда самая мелкая административная единица может быть тоже представлена в виде пирамиды, нижний слой которой будет состоять из исходных производственных пирамид, а верхний будет координировать и управлять. Более крупная административная единица будет пирамидой, построенной из мелких административных единиц, и так далее, до самого верха. Рабы представляют собой не частную, как при рабовладельческом строе, а общегосударственную собственность, и используются преимущественно для крупных общественных работ, вроде рытья каналов, прокладки дорог, строительства крепостей, и так далее. И вот что интересно: в случае нехватки рабочей силы, для тех же целей производственные пирамидки выделяют людей, орудия труда и транспортные средства по разнарядке сверху... хоть бы и для уборки улиц или

сельскохозяйственных работ... Все управление вертикальное. Горизонтальные связи минимальны и полностью контролируются сверху. Сверху вниз идут приказы, снизу вверх – общественный продукт, распределяется который следующим образом. В самом низу остается ровно столько, чтобы хватило на возобновление производства и прокорм работников. Остальное гонится вверх, и чем выше уровень соответствующей пирамиды, тем большая часть на этом уровне застревает.

– Ну и чем же это отличается от обычного феодализма? – агрессивно спросила Надежда.

– При феодализме каждый феодал платит конкретный налог, подать, дань, называйте это как хотите. А уж все, что свыше налога, принадлежит феодалу. Если феодал умен, энергичен, удачлив, он легко может разбогатеть и усилиться. История знает случаи, когда феодалы становились сильнее своего государя. А в политарном государстве такое принципиально невозможно, поскольку уровень оплаты зависит не от личности, а от, извините, задницы, точнее от стула, который занимает эта самая задница. И в силу этого обстоятельства, все нижние абсолютно бесправны перед верхними, они вынуждены любыми способами цепляться за свой стул. Таким был Китай, Персия времен Александра Македонского, государство инков и еще целая куча государств в Азии, Африке и Америке. Иосиф Виссарионович построил такое общество, какое сумел.

– Да-да, – задумчиво сказал Нахапаров. – Уровень секретарей парткомов, горкомов, райкомов, обкомов, понимаю... Даже рабство имеет свою аналогию в Гулаге. Армия и карательный аппарат подчиняются, естественно, самому верху?

– Разумеется.

– Что ж, в этом самом ударе кулаком я ничего удивительного не вижу. Алеша, голубчик, Вы меня ссылочками на соответствующую литературу не снабдите?

– В Москве созвонимся, так я Вам просто свой студенческий реферат передам, он у меня случайно сохранился. А захотите влезть поглубже – список литературы там солидный.

– Вы писали подобные рефераты?!

– Доводилось.

– А я, вы знаете, даже в некоторой растерянности, – сказала Ольга. – Алеша, вы этот свой реферат... Вы его размножить не сможете? На ксероксе? Я бы тоже почитала.

– И для меня? – ввернул Юра.

– Никаких проблем.

Надежда открыла было рот, но, взглянув на Юру, промолчала.

– М-да, – продолжал Нахапаров задумчиво, – революция... что за люди, сплошь белокурые бестии, а если и не белокурые, то все равно бестии. Сверхчеловеки. Нищешанство какое-то дикое, что белые, что красные. Всем надо было куда-то загнать “эту сволочь” – то бишь собственный народ: одним назад в подвалы, другим вперед, в счастье. Но непре-

менно силой. А общественная формация должна вызревать в недрах старой естественным путем. Социализм, очевидно, через кооперацию.

– Ленин так и говорил, так что Ваши слова не есть открытие Америки, – хмуро возразила Надежда.

– А сейчас то же самое говорит Горбачев, – хмыкнул Алексей Алексеевич, – но, похоже, вся огромная надстройка пирамиды не спешит менять нынешнее устойчивое положение на завтрашнюю ненадежную конкуренцию. Еще спихнет кто-нибудь зубастый с уютного стула.

– М-да, – сказал Нахапаров. – И этот человек еще удивляется, что был невыездным.

– Действительно, – поддержала его Ольга. – На это, милый Алеша, имелось, по крайней мере, две весьма веские причины. Первая – “Интеллиге-е-ент, сволочь...”. Вторая – “С-с-сволочь, интеллигент!”.

– Да нет, тут причины, пожалуй, поглубже. Поосновательнее, – возразил Нахапаров. – Взглядов своих крамольных при себе держать, небось, не желал. Был, небось, шибко независимый, ведь Вы независимый, Алеша?.. Начальству хамил. Сознайтесь, хамили? Дураков в глаза дураками называли, было дело? На дух не выносили начальственного тыканья, а, Алеша, сознайтесь? А по сему – начальству, небось, тыкал, с подчиненными был на вы... .

– Я и говорю – интеллигент, – обиженно сказала Ольга.

– Что это за понятие такое – интеллигент, – заявил вдруг

Юра, пожав плечами. – На Западе – понятно, интеллигент, человек умственного труда. А мы и тут выдумали нечто свое, особенное. Все выпендриваемся. В "Аргументах и фактах" было интервью с одним академиком. Я читал. Он там прямо говорит, что во всех бедах России виновата именно интеллигенция. А само словечко это пустил в обиход мелкий писатель Боборыкин, и что изначально так называли себя недоучки-поповичи, которых поперли из семинарии. И ссылается на Гумилева, который Лев. Да и литераторы многие высказываются...

– Дело в том, милый Юра, – хмуро сказал Нахапаров, – что как только затевается в нашем родном Отечестве какая-нибудь общественно-экономическая мерзость, тут же начинается гонение на интеллигенцию, чтобы рта не раскрывала и гнусничать власть имущим не мешала. Так было при царе, так было при Иосифе Виссарионовиче, вот и теперь точно так же.

– А что касается происхождения этого слова, – добавил Алексей Алексеевич, – то чтобы в этом разобраться, не надо слушать никакого академика, Лев Гумилев над ним, судя по всему, просто издевался. И боборыкинское авторство, строго говоря, сомнительно, а уж все остальное просто грязная клевета и социальный заказ жулья. Надо бы тебе, дорогой друг, Анну Каренину перечитать. Со школьных лет, вероятно, в руках не держал?.. Оно и видно. Вот тогда ты и узнаешь, кто в те далекие годы относил себя к интеллигентам.

Недоучек надо искать не среди предков, а среди наших советских академиков и литераторов.

– Все это очень интересно и, должна сознаться, ново для меня, – заявила Надежда. – И требует тщательного обдумывания. Но! Справедливости ради считаю себя обязанной высказать сейчас крайне крамольную и непопулярную в нашей компании мысль. Сталинская оценка интеллигенции применительно к нам, сегодняшним, кажется мне, увы, абсолютно верной. Все мы прекрасодушные болтуны в разной степени рефлексии. В то же время, есть люди, которые пусть и не являются рафинированными интеллигентами, зато не только имеют собственные убеждения, но и действуют сообразно им. Действуют!

И в это время за их спинами раздался голос:

– Чем это вы тут заняты, дорогие мои?

Все разом умолкли и повернулись. Перед ними, свирепо подбоченясь, стояла Ирина в купальнике с большим полотенцем на шее.

– Я-то думала, что они ведут этот самый “здоровый образ жизни”, вся истерзалась, спать не могла, можно сказать, за ухо вытащила себя из постели, чтобы последовать примеру. А они стоят себе на берегу совершенно сухие, орут и дружно жгут друг дружке глаголами сердца. Фуй!

Ирина бросила полотенце на песок и демонстративно полезла в воду. Все будто опомнились и, переглядываясь смущенно, отправились следом.

Море волновалось. Волны набегали хоть и не крупные, но кое-где на них появились уже и белые барашки. Нахапаров изящно нырнул в одну из этих волн и поплыл вполне приличным кролем. Борис с Ольгой и примкнувшая к ним Ирина, невзирая на волнение, принялись отрабатывать баттерфляй. Юра с Надеждой, схватившись за руки, качались на волнах почти у самого берега. При взгляде на их счастливые лица у Алексея Алексеевича настроение сделалось препакиостное. Ему захотелось то ли одиночества, то ли еще чего-то, что он отчаянно в себя не пускал... и, вообще, гнал поганой метлой. Он покосился на вышку. Вышка была пуста, для спасателей было еще слишком рано. Вода была холодная даже на вид, купаться расхотелось, но он заставил себя тоже войти в воду и поплыл в открытое море.

– Куда это вы намылились, Алеша? – крикнула ему вслед Ольга.

– Сплаваю подальше, пока наших церберов нет, – ответил он ей. – Вы, когда будете уходить, захватите с собой мое полотенце, хорошо?

Заплыл он далеко в море, перевернулся на спину и долго качался на волнах, бездумно глядя в высокое небо. Потом его потянуло в сон. Возвращаться в бухты на набережной не было смысла, поскольку спасатели, вероятно, уже появились, и он поплыл к берегу, ориентируясь на дальний мыс. Плыл спокойно, не спеша, благо времени до завтрака было, что говорится, навалом. Мыс, пусть и медленно, но приближался. Алексей Алексеевич уже различал волны, разбивавшиеся о прибрежные скалы. И, наконец, его взору открылась та самая бухточка, в которой в первый день своего пребывания в Ламесе он столкнулся с Надеждой.

На гребне набегавшей волны Алексей Алексеевич проскользнул между двумя камнями, увернулся от выскочившего из-под воды ему навстречу третьего камня и вышел на пустынный тихий берег. И тут он вдруг понял, что здесь, в Ламесе он совершенно не думал и даже не вспоминал о своей бывшей жене. А ведь столп-то, похоже, был прав, – внутренне усмехнулся он, – от нее и в самом деле нужно было новыми впечатлениями отгородиться. И тут, повинувшись каким-то потаенным и не вполне осознанным ассоциациям, он неожиданно вспомнил давний польский фильм, который некогда смотрел вместе с бывшей женой. Фильм так и назывался – “Лекарство от любви”, был он очень смешным, а главная ге-

роиня и характером, и манерой поведения очень была похожа на его жену, каковым обстоятельством Алексей Алексеевич потом ее с удовольствием дразнил. Долго дразнил, между прочим. Года два, не меньше.

Мысли о жене даже и гнать из головы не пришлось, они сами уплыли куда-то, поскольку довлела дневи злоба его, сегодняшняя. Алексей Алексеевич решил подняться на небольшую площадку, находившуюся слева на самом мысе за большой, нависавшей над бухтой скалой. Пошел он не по тропе, а напрямую, где приходилось местами карабкаться по скалам чуть ли не как заправскому скалолазу. Продравшись сквозь кусты шиповника, он вышел на площадку и... замер от неожиданности перед открывшейся его взгляду картиной.

На песке, закинув руки за голову, лежала Надежда. Грудь ее была обнажена, глаза плотно зажмурены, нижняя губа закушена, в уголках болезненно искривленного рта вскипали пузырьки слюны, а рядом с нею... рядом был Юра, причем вот какая странность – его тела Алексей Алексеевич не видел. Он видел только его руки и губы, зарывшиеся в эту грудь.

Заслышав производимый Алексеем Алексеевичем шум, Надежда одним движением руки смахнула с себя эти руки и губы, рывком уселась на песке и, даже не пытаясь прикрыть наготы, смотрела на него большими потемневшими глазами. Юра окончательно исчез из поля зрения Алексея Алексеевича, осталась только ее грудь, большая, красивая, тяжелая, она

плавно качнулась из стороны в сторону и застыла, изящно прогнувшись, отчего ее крупные возбужденные соски вздернулись вверх и вызывающе уставились Алексею Алексеевичу прямо в лицо. Все молчали, и молчание это было тяжким, вязким, душным. Оторвать глаза от ее груди у Алексея Алексеевича не было сил, он судорожно вздохнул, и тогда, нарочито проследив его взгляд, она спросила: “Хороша?” Алексей Алексеевич опомнился, медленно кивнул головой и ответил, с трудом справившись с непослушными губами: “Да”. “Нравится?” – с ленивой усмешкой поинтересовалась она. Алексей Алексеевич несколько долгих томительных секунд молча, глядел теперь уже ей в лицо, потом снова кивнул головой: “Очень”, повернулся, сказал через плечо: “Извините меня”, и, зажав себя в кулак так, что зубы скрипели, преувеличенно неторопливо пошагал по тропе прочь, а в голове у него колотилась шальная мысль, что фильм-то тот старый был прав, что лекарством от любви могла быть лишь другая любовь, вот только будешь ли ты в ней счастлив, это, конечно, вопрос особый.

Тропа была ему незнакома, посуху он тут ни разу еще не ходил. Она ветвилась, тропки разбегались в разные стороны, многие из них оказывались тупиковыми или сворачивали куда-то не туда. Приходилось возвращаться, так что он не то чтобы заблудился, но к завтраку опоздал совершенно безнадежно. Потом были процедуры, и он тщательно и скрупулезно выполнил все врачебные предписания. Даже на ду-

рацкий кислородный коктейль – и то сходил.

Парк был пустынный. Народ куда-то попрятался. С волейбольной площадки доносились веселые выкрики и звонкие удары. Энтузиасты, несмотря на резкий ветер, избивали мяч. Алексей Алексеевич спустился к морю. Море разгулялось до полного неприличия. Огромные валы с грохотом налетали на берег, захлестывая пустынную набережную.

Появление Алексея Алексеевича в подозрительной близости к воде не осталось незамеченным. В дверях спасательной станции возник человек и уставился на него с видом крайне подозрительным и недовольным. Алексей Алексеевич мысленно пожал плечами, повернулся и покарabкался обратно вверх. На память ему снова пришли слова Ольги о том, что он должен нравиться женщинам. Слова эти почему-то показались ему очень смешными, он долго смеялся, кашлял и отмахивался руками. Обед, ужин прошли, как во сне. Потом он долго сидел на скамье под колоннадой, тупо пялясь на волнующееся море. Налетел заряд дождя, спасаясь от которого под колоннаду заскочил развеселый Юра, толкнул Алексея Алексеевича локтем в бок, продекламировал, вздернув вверх руки:

Мерзавка ветреная, Геба,
Когда с Гераклом возлегла,
Громокипящий кубок с неба
На нас, зараза, пролила.

– У нас с приятелем разделение труда. Он сочиняет, а я декламирую, – сообщил он, подмигнув весело и исчез.

Алексей Алексеевич пошел было к розарию, но по дороге передумал и свернул к теннисным кортам. Корт были пустынные, и он дал себе твердое слово в ближайшее время попробовать здесь свои силы. Ну и что же мне делать, – подумал он, – в Москву, что ли, позвонить?

Однако рабочий день уже давно закончился, и ему подумалось, что ребята могут этот звонок как-нибудь не так истолковать. Вот, мол, хочет шеф знать, не разболтались ли они там без него. Проверяет. Могли и обидеться.

Да что это со мной, – рассердился он вдруг, но тут же в очередной раз поймал себя вначале на лицемерии, а следом и на том, что оный процесс – ловля на лицемерии – похоже, стал здесь, в Ламесе, его излюбленным занятием. А то ты не знаешь, что с тобой, – сказал он себе. – Кончай-ка придуриваться... В бар, что ли, сходить? – спросил он себя, – А что, хорошая идея. Что ж киснуть-то?

В бар Алексей Алексеевич до сих пор не ходил ни разу, поскольку самая идея разбавления Новосветского шампанского чем бы то ни было представлялась ему кощунством, а доводы, которые приводил Нахапаров, – что, мол, шампанского в санаторных запасах мало, вот и растягивает дирекция эти запасы, как умеет – может быть, все объясняли, но ничего, по его мнению, не оправдывали. Ему подумалось,

что, в конце концов, этой самой Веронике Павловне за риск не грех было бы и приплатить. Беда была, однако же, в том, что приплачивать Алексей Алексеевич не любил, причем отнюдь не из жадности, а просто от неловкости, стыда и боязни обидеть человека.

Сзади послышались чьи-то быстрые шаги, он оглянулся. В сопровождении своего седовласого кавалера его догоняла бывшая confidentка. Поравнявшись, она церемонно раскланялась и спросила с нескрываемым злорадством:

– Что ж это мы все один да один, а?.. Ал-Ал?.. Не надоело ли, так сказать, гордое одиночество? Скучно ведь.

– Ничуть, – ответил Алексей Алексеевич. – В моем обществе скучно не бывает. Я интересный.

– А-аха, – сказала дама, взглянув на него хоть и несколько озадаченно, но не без восхищения. Алексей Алексеевич, как бы извиняясь, развел руками, а седовласый, Алексея Алексеевича почему-то не любивший и смотревший до сих пор подчеркнуто в сторону, уставился ему в лицо круглыми изумленными глазами и даже рот открыл.

– Кстати, – экс-confidentка легонько ухватила Алексея Алексеевича за рукав, – я заметила, что лексикон моей подруги Вас, вроде бы, скандализует...

Алексей Алексеевич не сразу понял, что речь идет о даме, которая у него ассоциировалась то ли со щукой, то ли с оккупанткой.

– ...Согласна, – продолжала экс-confidentка, – она

несколько вульгарна... может быть... но, дорогой профессор, признайте, что основательный, блестящий и, разумеется, своевременный мат иногда бывает... как бы это... очень даже гламур. Шикарен, я бы сказала. Нет?.. Вы не признаете мата ни при каких обстоятельствах?.. Но это же, извините меня, лицемерие, профессор...

Пара обогнала его. Шли они определенно в бар. Алексей Алексеевич тоже ускорил шаг.

Против всяческих ожиданий, бар оказался местом невероятно приятным и уютным. Располагался он в полуподвальном помещении того самого старого корпуса, который экс-конфидентка называла гаремом. Когда, спустившись по ступенькам, Алексей Алексеевич открыл дверь, он был с порога ошеломлен царившей там атмосферой безудержного непринужденного веселья. Алексей Алексеевич с любопытством огляделся. Прямо перед ним находился пяточок для танцев. Во всяком случае, это место было битком забито прыгавшими под музыку людьми. Стойка располагалась в глубине большого помещения слева. Столики отделялись друг от друга невысокими деревянными барьерами и жардиньерками с цветами. Живыми цветами, как машинально отметил Алексей Алексеевич. Между столиками тоже танцевали люди – то ли те, кому не хватило места на пяточке, то ли просто не желавшие от своих "посадочных мест" удаляться. Впрочем, на пустующих столиках неизменно красовалась табличка с надписью "занято" – народ в баре собрался предусмотр-

рительный.

Алексей Алексеевич, с трудом протиснувшись между танцующими, подошел к стойке, а вот просьбу его Вероника Павловна с ходу и непреклонно отвергла. Алексей Алексеевич вздохнул, выбрал, как ему показалось, наименее вредительскую смесь, и Вероника Павловна заказ приняла, как ему показалось, почему-то с явным облегчением.

– Все-таки будете лить в шампанское яблочный сок? – жалобно спросил он.

– Буду, – вздохнула Вероника Павловна.

– Ну что ж, – сказал Алексей Алексеевич с безнадежностью. – Лейте, коли так.

Взяв стакан, Алексей Алексеевич повернулся и, опершись спиной о стойку, принялся высматривать свободное место. Сделать это было нелегко. Сидящие за столиками люди были практически полностью укрыты от нескромных взоров барьерами и жардиньерками.

Вероника Павловна тронула его сзади за плечо, он повернулся, “Вас зовут”, – сказала она и показала пальцем куда-то вправо. Там у колонны, подпиравшей сводчатый потолок, размахивая руками, подпрыгивала Ольга.

За столиком, стоявшим впритык к колонне, находилась вся их компания, и встретила она Алексея Алексеевича веселым смехом.

– А, вот и наш анахорет. Явились? Пали, так сказать, под стрекалом греха, расстрига Вы этакий!

– Почему расстрига? – удивился Алексей Алексеевич.

– Расстрига и есть. Мы тут пари держали, – сказала Ольга. – Сколько вы высидите в монахах.

– Ну и кто же выиграл? – любопытно спросил Алексей Алексеевич.

– Никто, – сказал Борис. – Вы превысили все мыслимые сроки.

– Будьте справедливы, – возмутился Нахапаров, – ближе всех оказался, все-таки, я.

– А ну-ка, мальчики, потеснимся, Юра, Боря, – командовала Ольга. – Быстренько, быстренько.

Освободившееся место оказалось рядом с Надеждой. Алексей Алексеевич опустил на него, машинально крутя в пальцах стакан.

– Что ж Вы не пьете, Алексей Алексеевич... Алексей? – сказала Ира, как оказалось, сидевшая по другую руку от него. – Разговляйтесь.

Алексей Алексеевич покосился на Надежду. Выражение на лице Надежда имела каменное, сидела, глядя прямо перед собой. С другого бока от нее сидел Юра. Рука его лежала на спинке скамьи за ее спиной, однако на эту руку Надежда не опиралась. Более того, Алексею Алексеевичу показалось, что спина ее была выгнута и даже как бы враждебно отстранялась от этой жадной и цепкой мужской руки.

– Пейте, пейте, – говорила между тем Ира, – глоточек за папу, глоточек за маму...

– Я пытался уговорить Веронику Павловну налить шампанского без... ну, в общем, чистого, – вздохнул Алексей Алексеевич. – Но, увы. Ничего у меня не вышло.

– Да что ты? – оживился Юра. – Нет у Вас, сэр, к женщинам подхода.

– У тебя есть... – с непонятной интонацией в голосе сказала Надежда.

– У меня есть, – подтвердил толстокожий Юра и устремился к стойке. – Сейчас мы это устроим.

Вернулся он с сияющей физиономией и водрузил на стол два бокала – один перед Алексеем Алексеевичем, другой перед Надей.

– Пожалуйста, – сказал он. – Вероника говорит, что это нечто особенное. Называется “брют”.

– Я тебя об этом не просила, – с той же непонятной интонацией сказала Надежда.

– Наденька, Вы несправедливы, – укоризненно покачал головой Борис. – Юра старался. Он хотел сделать Вам приятное. О, какая зажигательная музыка. Пошли, потрясемся в кружочек?

– Вы идите, – сказал Алексей Алексеевич. – А я посижу. Сделаю эти самые глоточки за папу, за маму, а заодно и за всех присутствующих.

“Эй, вы, там, наверху, от вас совсем покоя нет”, – надрывались динамики. Алексей Алексеевич пригубил шампанское. Вино и в самом деле оказалось превосходным. Ай да Юра!

У кого – у кого, а у него-то действительно есть подход... к женщинам.

Из толпы вывернулся Юра. Подсел рядом.

– Надюшка пошла, по-интеллигентному говоря, припудрить носик, – сообщил он. – Ну и навел ты утром шороху. Я только-только собрался на штурм, и – на тебе! – явление Христа народу. Так ведь ничего и не получилось. Когда ты ушел, я попытался было снова, но она меня как шуганет! “Отвали, – говорит, – а то по морде схлопочешь”.

Алексей Алексеевич отрешенно пожал плечами.

– Ну, отшутился я, – продолжал Юра оживленно. – Фуй, говорю, как грубо! А еще нежная девушка. Нет бы, говорю, сказать поласковее... ну, и запел на мотив туристской песенки, знаешь, наверное:

Отвали, обормот, отвали.

Может завтра, с уходом зари

Я сама подскребу, опять

Забубенной любви искать.

Так, представляешь, она только ноздрей дернула... Ну, девка, влюбиться можно. Ты на меня без обид, что я ее у тебя, можно сказать, из-под носа увел? Если честно, я видел, как вы друг на друга еще в автобусе поглядывали. Но тут дело такое, женщины есть достояние общественное, я считаю. Кто не успел, тот опоздал, однако же ты – вперед, если

что. Понимаешь, здесь это, вроде бы, как ускоренная жизнь. Приезд – рождение, знакомство – свадьба. А отъезд, стало быть, смерть. А уж с разводами совсем просто.

– Да ты, смотрю я, философ.

Однако Юра иронию отринул.

– Я серьезно. Неужто ты об этом никогда не задумывался?

– Ни времени не было, ни желания.

– Нет, какое тело, Алексей, какое тело! – Юра провел в воздухе руками, как бы обтекая ими нечто драгоценно округлое, посмотрел на ладони и перевел на Алексея Алексеевича сияющий взгляд. – Роскошь, слова другого не подберу. И ты знаешь, она из дворян. Трахаться с дворянкой... обхихикаешься!

– Партийная дворянка, – пробурчал Алексей Алексеевич.

– Ну и что? – удивился Юра. – Ленин тоже был дворянин. И эта, как ее, Коллонтай. Феликс железный. Да мало ли. А уж темперамент, зверь-баба! Сперва, вроде бы, даже еле терпит тебя, чистый лед, зато разгорится, как с цепи, вулкан, Везувий, смерть Помпее...

– Вот что, Юра, – перебил его Алексей Алексеевич, – давай мы с тобой Надежду обсуждать больше не будем.

– Ох, извини, – пробормотал Юра, смешавшись, – я и в самом деле чего-то не того... Я идиот. Всегда сперва чего ляпну, а после подумаю. Извини.

– Чудак ты, – вздохнул Алексей Алексеевич. – Что ж передо мною-то извинятся?

Из динамиков, между тем, лилось уже томное танго. Друзья не возвращались. “Трясовальный” их кружок, видимо, самым естественным образом распался на пары, и Алексей Алексеевич – вполне очевидно – был тут даже и не третьим лишним, а седьмым.

– Ну, ладно, – сказал он, – шампанское я допил, спасибо. Пойду, пожалуй.

– Ты чего это, Алексей? Оставайся. Я еще добуду.

– Нет, пойду. Мне надо поработать. А то совсем я здесь обленился. Оборзел, можно сказать. Видал, небось, сколько салфеток неисписанных в тумбочке валяется?

Алексей Алексеевич встал и направился к выходу.

У самых дверей он носом к носу столкнулся с Надеждой.

– Уходите? – спросила она.

– Да.

– Подождите. Хоть и не белый это танец, Алексей, но я Вас приглашаю. Идемте, – и она положила руку ему на плечо. – О, да Вы прекрасно танцуете. Вот уж не ожидала от физика. Посещали школу бальных танцев?

– Нет. Родители научили. Еще в детстве.

– Вот что, Алексей. Я хотела бы перед Вами извиниться. За эту безобразную сцену. Сегодня утром.

– Вам не за что извиняться.

– Есть, – возразила она. – Ни за что, ни про что обхамила хорошего человека. Это я от неожиданности... наверное... ну, не знаю.

Танец кончился, но она все так же держала руку на плече Алексея Алексеевича и не отпускала его от себя.

– Вы все же извините меня, ага?

– Охотно. – Алексей Алексеевич выдавил из себя улыбку и, сам тому несказанно удивившись, добавил вдруг: – Тем более что грудь Ваша великолепна, и она мне действительно нравится. Очень. Покойной ночи.

Придя к себе, он попробовал работать, потом читать, потом просто слонялся из угла в угол. Вышел в лоджию, выкурил сигарету, вернулся обратно, снова попытался приняться за чтение, для чего ухватил с Юриной тумбочки нечто уж, по его, Юриному заверению, запредельно увлекательное – некую “Историю О”, нет, все было бесполезно... Да, а где же Юра – удивился он вдруг, но тут же и сообразил, где тот мог быть, чем заниматься, и так при этом на себя, любимого, разозлился, что буквально пинками погнал к постели, взащей затолкал под одеяло и даже заставил заснуть.

8

К утру ветер стих, но волны по морю гуляли огромные, так что ни о каком купании не могло быть и речи. Алексей Алексеевич забрал у Юры ракетку, заявив, что тот может найти себе занятие поинтереснее, и отправился играть в теннис. Однако по случаю плохой погоды все три корта были плотно заняты. Пришлось удовольствоваться стенкой.

Какое-то время Алексей Алексеевич с упорством маньяка лупил в нее мячом. Но вскоре поблизости появились обе любительницы тридцатилетних мужиков. Покрутившись у кортов и мгновенно сориентировавшись в ситуации, они на короткое время исчезли, вновь материализовались у стенки уже с ракетками в руках и, мило ему улыбаясь, попросили дать им урок. Поскольку Алексей Алексеевич уже видел любительницу пососать указательный палец на корте в паре с Вероникой Павловной, он сердито осведомился, какой именно урок они хотели бы у него получить, на что девчушки, глядя на него широко распахнутыми невинными глазами, невозмутимо ответствовали в том смысле, что любой, какой ему только в голову взбредет, а они на все готовы, хоть каждая по отдельности, хоть – появивсь у него такое желание – можно и втроем: “по кайфу так оно еще прикольнее...”

Алексею Алексеевичу пришлось срочно уступить им стенку и ретироваться, стараясь обставить свое отступление

так, чтобы оно не выглядело бегством. Не зная, куда себя девать, он решил посмотреть на игру волейболистов. Игроки в санатории подобрались сильные, так что смотреть за игрой было одно удовольствие. Чтобы срезать дорогу, он пошел через рощу реликтовых сосен, где и наткнулся на сидевших за столиком друзей, по обыкновению ведших один из своих бесконечных споров, на сей раз, к счастью, не о политике.

Оппонировали друг другу, похоже, Нахапаров и Ирина, остальные то ли составляли второй эшелон, то ли были заинтересованными комментаторами. Причем, как показалось Алексею Алексеевичу, Юра и Ольга поддерживали Ирину, а Борис придерживался вооруженного нейтралитета.

– А где Надежда? – спросил он, присаживаясь рядом с Юрой.

– Представления не имею, – сердито буркнул тот. – Я ей не нянька.

– Я и не утверждал, что ревность это пережиток, – говорил, между тем, Нахапаров. – Просто я считаю ее признаком неуверенности в себе. Не в партнере, а именно в себе, в своих силах, своих, если хотите, физических кондициях.

– А почему не духовных? – спросил Борис.

– И духовных тоже, – согласился Нахапаров, – но, прежде всего, физических. Поскольку измена, – то есть, измена в отношениях между мужчиной и женщиной, я имею в виду, – находится в физической сфере.

– Не скажите, – сказал Борис.

– В физической, в физической, – настаивал Нахапаров.

– Вы все упрощаете, – горячилась Ирина, – и низводите до... я прямо даже и не знаю. А ревность – это просто рефлекс. Я люблю, значит ревную.

– Не знаю, как там насчет рефлекса, – ужом ввинтилась в разговор Ольга, – но любовь – это мое. И предмет любви мой. А собственнические чувства в человеке неистребимы. Мое, знаете ли, не троньте. Да вот давайте у Алеши спросим, у него головка светлая. А, Алеша, как Вы считаете?

– Ну, если вы хотите знать мое мнение, – пожал плечами Алексей Алексеевич, – особых разногласий во всем, что я тут услышал, пожалуй что, и нет.

– Как же так? – удивилась Ирина. – Вот даже Игорь с Борисом... они говорят совсем не одно и то же.

– Их представления, если так можно выразиться, практически чуть ли не конгруэнтны, – пояснил Алексей Алексеевич. – То есть совпадают, пусть и не полностью, – Алексей Алексеевич вспомнил жену с ее демократическим либералом и вздохнул. – Но, думается мне, подлинная измена всегда начинается с духовной сферы.

– Что это еще за “подлинная измена”, – возмутились женщины. – По-вашему, бывает еще и измена не подлинная?

– Конечно, – восхитился Нахапаров. – Еще как бывает. Я, например, с тех пор как вышел из мальчишеского возраста, своим женщинам разрешаю все. С одним только условием. Чтобы они от меня ничего не скрывали.

– Ну, Игорь, извините, это уже извращение, прямо мазохизм какой-то, – удивилась Ирина и, ища поддержки, повернулась к Ольге.

– Да нет, – задумчиво протянула Ольга. – Пожалуй, в этом что-то есть.

– Конечно, есть, – заорал в восторге Юра. – Еще как есть! Сугубо профессиональный интерес, а, Игорь? Препарируете в творческих целях? Я прав?

– Нет, хор-рош гусь! Он разрешает женщине, чего запретить не может. Да еще и заставляет при этом перед собой отчитываться, – не сдавалась Ирина.

– Неправда, – серьезно сказал Нахапаров. – Я снимаю с нее чувство вины. Даю возможность не прятаться, не лгать. Не изворачиваться.

– А что Вы получаете взамен? – спросил Борис с любопытством.

– Что это дает мне? Прежде всего, ощущение, что я не есть тот самый последний огурец, который режут, когда пошла такая пьянка.

– Не очень понятно, а вот, поди ж ты, убедительно, – рассмеялась Ольга.

– Да-а, – завистливо протянул Борис. – А ведь это, пожалуй, здорово. Жалко, я до этого не додумался.

– Да будет тебе, – сказала Ольга. – Большого ревнивца, чем ты, и представить себе трудно.

– А я о чем? И я об этом.

– Нет-нет, тут другое что-то, – задумчиво сказала Ирина. – Ну, хорошо. Ну, допустим. Допустим, Вы не ревнивы. Но как так получилось, что Вы вдруг не ревнивы? Почему это Вы не ревнивы?

– Я уверен в себе.

– Но не настолько же?

– Настолько.

– Нет-нет. Нет! Разве Вам не будет больно, обидно? Разве Вы не будете переживать и страдать? – снова загорячилась Ирина. – Разрешаю... ишь ты, какой! Я могу себе представить, что Вы все это преодолете усилием воли, не покажете ничего, и все такое, но страдать-то при этом будете, будете.

– А разве у меня самого рыльце не в пуху? – возразил Нахапаров. – Какое я имею право отказывать партнеру в том, что сам себе позволяю?

– Это, конечно, правильно в теории, – не унималась Ирина. – Но ведь чувства-то рассудку не подчиняются. Я вам о чувствах, а Вы мне все с точки зрения разума втолковываете.

– Нет, постойте, – снова вмешалась Ольга. – А Вы сами? Вы-то как? Вы им, своим, тоже все-все рассказываете?

– Ну, мать, зная тебя, я бы этого делать не стал, – засмеялся Борис, а Нахапаров весело оглядел женщин и отрицательно покачал головой.

– Ага, вот мы Вас и ущучили, – радостно захлопала в ладоши Ирина.

– Ошибаетесь, ничего вы меня не ущучили. Мой разго-

вор с... э-э... подругами проходит всегда по одной и той же схеме. Сначала они бывают ошарашены и растеряны, потом заинтересованы, потом, не зная, как реагировать, начинают тянуть время и принимаются допытываться, зачем мне это надо. Потом начинают объяснять мне, что в глазах любимого человека женщине все равно хочется выглядеть даже лучше, чем она есть на самом деле. А в конце переходят в наступление и спрашивают, причем агрессивно, очень агрессивно, а сам-то, мол, ты, ты-то что же, будешь рассказывать?

– Так и что Вы отвечаете?.. Да-да, что?..

– Всегда одно и то же. Я говорю, что если ты поставишь такое условие, то буду. Я тебе этого не советую, тебе это ни к чему, уверяю. Но, если будешь настаивать, расскажу. И знаете, до сих пор не нашлось ни одной женщины, которая бы сказала – да, хочу. И не найдется, я думаю.

– А Вам не кажется, что весь этот уговор выглядит несколько, я бы сказал, наивным, – вмешался Юра. – На словах она может согласиться на что угодно, а как дойдет до дела, так она Вас спокойненько и надует.

– Разговор обычно бывает долгим. И этого аспекта проблемы обязательно касается. И тогда я говорю, что врать не надо, смысла нет. Я почувствую, а уж если я почувствовал... все равно узнаю. Я перестану тебе доверять. А это конец.

– Но она все же может рискнуть, – сказал Юра, тонко улыбаясь.

– Да нет, – задумчиво возразила Ольга. – Тут Игорь, пожа-

луй, прав. Женщина инструмент тонкий. То есть... я имею в виду женщину для Игоря, а не Борису многоподбородковую прелестницу... слышишь меня, супруг мой любвеобильный... А обманывать ей придется, так сказать, сразу по двум пунктам. И чуткий мужчина всегда почувствует фальшь.

– Все это схемы, – с коротким смешком сказал Борис. – Схемы и голые теории. Но приемчик, однако же, хитрый. Поздравляю. И ощущение полной свободы есть, и избавление от чувства вины, да, в этом Вы правы. И гордость – вон он у меня какой... необыкновенный. И вся она разбудоражена, взволнована, заинтригована, где уж тут возникнуть мыслям о ком ни будь другом? Вот это и называется держать женщину на длинном поводке. И далеко, вроде бы, отпущена, обжирается, можно сказать, свободой и волей, а чуть за поводок дернул, и... “к ноге!” Bravo. Bravo, Игорь, bravo.

– Ты, как всегда, все, с одной стороны, усложняешь, а с другой упрощаешь, – кокетливо вскинулась Ольга. – Я, например, обязательно попробовала бы. Это черт знает как увлекательно... Ах, тебе интересно? Ты хочешь знать? Ну, так и получай. В подробностях, в картинках.

– Да ничего бы ты такого не сделала, – сказал Борис. – Тебя-то я знаю, как облупленную. Ты бы тешила себя тем, что все можешь. В любой момент. А как дошло бы до, так сказать, воплощения... тут же и шмыгнула бы в кусты. Ты бы решила, что рассказывать-то придется не только о том, *как*, но и о том, *почему*. Стриптиз духовный придется устраивать,

раздеваться догола. А ты этого духовного эксгибиционизма ой-как не любишь. Да и какая женщина любит?

– Ага, – с торжеством закричала Ирина. – Вот все и понятно! Вот и выходит, Игорь, что ты... Вы тоже ревнивец, но хитрый. И Борис нам все про Вас замечательно объяснил.

– Нет-нет, Ирочка, подождите, – вмешался Алексей Алексеевич. – И что же, Игорь, они Вам все, как есть, рассказывали?

– Конечно.

– А чтобы утаивали, такие случаи бывали?

– Да. Один.

– И что же потом? – дружно воскликнули женщины.

– А ничего. В буквальном смысле. Но вы не находите, что мы уклонились от темы?

– Наоборот. Она получила неожиданное, но очень интересное развитие, – сказал Алексей Алексеевич. – Я с легкостью могу себе представить, что Вы говорили своим женщинам, когда заключали этот занимательный пакт. Вы говорили, что она может найти себе более красивого мужика, что, конечно же, может найти более умного, что ей может встретиться большая доброта или, как Вы тут изящно выразились, лучшие физические кондиции, но она никогда не найдет себе комплекс, который можете предложить ей Вы. Ведь я же прав, а, Игорь? Иначе на чем бы зиждилась эта Ваша пресловутая “уверенность в себе”?

– Под дых, Алеша, – рассмеялся Нахапаров, – просто под

дых.

– Вот и получается, что обе спорящие стороны правы. И не правы тоже обе. Иметь такую уверенность в себе не может никто, по крайней мере, постоянно. Потому что иначе это будет уже не уверенность, а самоуверенность, за которую и будешь в конечном итоге наказан. И очень больно, – Алексей Алексеевич вспомнил все те малоаппетитные обстоятельства, что предшествовали его разводу, и покачал головой. – Точно знать свое место в жизни любимой женщины, именно знать, а не догадываться, это же просто... замечательно это. Да. Замечательно. Вы гений, Игорь. Самое смешное заключается в том, что я, пусть и не в явном виде, пусть неосознанно, но... Никогда не задумывался, ревнивый я, или не ревнивый. А вот получается, что нет. Впрочем, особого опыта по этой части не имею. А что касается боли, конечно, я думаю, Вы будете испытывать боль. Но это будет именно боль, а не ревность. И женщине об этой боли лучше не знать.

– Скажите, Игорь, а Вам никогда не хотелось поставить фильм по такому сюжету? – поинтересовался Борис. – Интересная могла бы получиться картина.

– Может, еще и поставлю, – задумчиво сказал Нахапаров. – Если сферу деятельности не сменю. Слышали же, как Наденька по нашему, прекраснородушных интеллигентов поводу, Сталина цитировала. Она права. Когда говорят пушки, музам следует потихонечку сморкаться в тряпочки. В сто-

ронке.

– У этого моего приятеля, о котором я вам уши прожужжал, – вмешался Юра, – есть такие строки:

И снова бой, тяжелый, трудный бой,

И танки слов ползут полями душ...

– Это не о Мельпомене, она слишком неповоротлива, – сморщился Нахапаров. – Это, скорее, о музе ораторского искусства. Была такая, или нет, кто-нибудь помнит? Да, кстати, кто из вас знает, что собою представляет Янаев? Что он за человек, и к какому крылу в партии примыкает?

– Ничего себе, кстати, – вздохнула Ирина. – Где б о чем ни говорили, все равно свернем на баб. Алексей Алексеевич, может, пойдем к вам? Чего-то кофе хочется.

– А за отчества будем драть штраф, – сказала Ольга, скорчив свирепую физиономию, – хоть бы и в форме лишения кофе.

– Но я не нарочно, – оправдывалась Ирина. – У меня почему-то с ним иначе... трудно. Всех остальных запросто, а на нем язык спотыкается.

– А Вы не оправдывайтесь.

– Она и не оправдывается, – вмешался Юра. – Она факт констатирует. Мне поначалу тоже так было. Постоянно хотелось Алексеевича вернуть. Что-то в нем есть такое.

– Ага, – насупился Алексей Алексеевич. – То самое, что

Надежда называет занудством.

– Алеша, – всполошилась Ольга, – Вы что, с ума сошли? Она же шутейно. Разве можно эти ее слова принимать всерьез?

– А-а, чего уж... я и сам знаю за собой эту печальную особенность. Давно. Еще когда младшим научным был, так лаборантки длинноногие маститым докторам говорили Вова и ты, а мне – непременно Вы и Алексей Алексеевич. В крайнем случае, Ал-Ал. Так что я привык. У меня и на это тоже иммунитет.

– Так мы идем пить кофе, или нет? – Ольга подцепила под руки мужа и Алексея Алексеевича и крикнула остальным: – А ну, догоняйте... Вот Вы говорите, что не имеете опыта, Алеша, но Вы отнюдь не мальчик, как же так? Вы что же, однолюб?

– Ну... не знаю... вряд ли. Времени, видимо, не хватало никогда на все эти дела.

– Жена у Вас, небось, была красивая, – заявила вдруг Ирина с непонятной враждебностью.

– Красивая, – согласился Алексей Алексеевич.

– Красивее... Нади?

– Ну, она в другом духе. Тут есть одна. С нами приехала. Так вот она очень на жену похожая. То есть, не похожая, а... как сказать... однотипная, что ли.

– Кто такая? – одновременно воскликнули женщины.

– Слушайте, красавицы, – вмешался Борис, – что вы при-

стали к человеку. Может, ему неприятно.

– Да нет, все уже в прошлом, – сказал Алексей Алексеевич, пожав плечами. – Перегорело все. И несколько меня не трогает. А женщину эту вы знаете. В автобусе перед нами с Ирой сидела. Не та, которая... щука, а другая. Она еще с таким седовласым красавцем общается.

Щука друзей развеселила.

– А, – орал Юра, отсмеявшись, – ну как же! Это Алиса, которая ходит с налоговым инспектором. Ничего бабешка, очень даже ничего, у тебя, Алексей, губа...

Друзья еще что-то говорили, и, вроде бы о чем-то спрашивали, но Алексей Алексеевич их уже не слушал. На лавочке около родного шестого корпуса он увидел нахохленную Надежду.

Заметив их, Надежда поднялась с места и сердито сказала:

– Ну вот, явились – не запылились. Кофе, небось, захотели лакать? Я тут сижусь-сижусь, а их всех будто корова языком слизнула. Ну, эти – ладно, а Вас-то, Алексей, куда черти унесли? Вам работать надо, а Вы шлындраете бог знает где. Или у Вас и в самом деле салфетки кончились? Могу презентовать, у меня много, не жалко для-ради высокой науки.

– Хватит ворчать, – рассмеялась Ольга. – Идемте пить кофе. А потом Ирочка нам споет. У нас у всех настроение. Мы тут такую тему обсудили! Любовь и ревность.

– А вот ревнивцев, – свирепо прорычала Надежда, – на дух не переносу. Я сразу говорю, что человек я вольный,

что захочу, то и сделаю. А потом все, как есть, тебе выложу, скрывать не стану, не надейся. Но уж и ты будь добр...

Общество дружно посмотрело на Нахапарова и покати-лось со смеху.

9

Утром Алексей Алексеевич сбежал в Севастополь. Именно сбежал, сбежал от Надежды, от спорщиков – друзей, сбежал, ища душевного спокойствия, иначе это назвать было никак нельзя. Да он и не пытался, так что ловить себя на лицемерии в этот раз даже и не пришлось.

Севастополь бурлил, подобно борщу в кастрюле у нерадивой хозяйки. За какой-нибудь час Алексей Алексеевич умудрился влипнуть аж в целых три митинга. На один из них две кошмарно энергичные дамочки его тащили, схвативши за руки и во все корки костеря за “совковость”. При чем выражения они использовали такие, что Алексей Алексеевич даже искренне пожалел, что не нашлось человека, который превратил бы наглое оскорбление “совок” в такой же символ, какими сделались слова “гез“, “фрондер”, или, скажем, “пуританин”, изначально звучавшие не менее хамски. В ближайшем кафе, куда он заскочил выпить чашечку кофе, шумная компания сердитых людей поднимала тосты за парашу для дерьмокравдов, Колымский Косомордец и “Огонь, в смысле “пли!” для Огонька. А в первом же зале морского музея, куда он забрел в поисках тишины, услышал, как тамошняя надзирательница громогласно растолковывала полудюжине домохозяек и пенсионерок всю несостоятельность экономической теории Маркса, написанной, по ее мнению,

для необитаемого острова, на котором кроме попугаев никого больше и нету. Алексей Алексеевич помчался в Херсонес, но день сегодняшний достал его и здесь – на развалинах красовались невнятные, но ужасно свирепые листовки этих самых демократических либералов, а на арене античного театра две противостоящие друг другу группы людей, казалось, готовы были уже и гладиаторствовать. Алексей Алексеевич махнул рукой и отправился в обратный путь.

В автобусе он столкнулся с налоговым инспектором. От инспектора пахло коньячком и неприязнью, “здравствуйте” он процедил сквозь зубы и на Алексея Алексеевича не глядя. Пребывал инспектор в обществе вальяжного гражданина, упакованного с ног до головы в невероятную импортную “джинсу”, и двух полненьких лысоватых молодых людей, одинаковых как близнецы, даже жирные золотые цепи на их шеях – и те были явно из одной коробки. Троица была при багаже, видно только что приехала, причем и инспектор, и молодые люди перед вальяжным ходили на задних лапках.

Всю дорогу вальяжный громогласно разглагольствовал о том, что времена, мол, меняются, что для умных людей нынешняя ситуевина – самое оно, и что, следовательно, не надо быть лохом, а надо успеть в налоговой инспекции и иных прочих всякого фискального толка службах застолбить позиции, поскольку там и нынче непыльно, а вскорости, если все пойдет как надо, будет просто золотое дно. Инспектор смот-

рел вальяжному в рот, молодые люди поддакивали и энергично кивали головами, а один из них, повернувши голову к сидевшему сзади Алексею Алексеевичу, сказал, весело скаля зубы:

– Да, господа, наступает время Остапов Бендеров.

Поскольку себя и своих друзей он с Остапом явно отождествлял, а от Алексея Алексеевича ожидал ответной реплики, Алексей Алексеевич ответил, с трудом сдерживая раздражение:

– Ну, я бы сказал, не столько Бендеров, сколько Корейко, – и отвернулся к окну. Владыки жизни, черти их дери, хоть бы уж на такси в таком случае не сэкономили, что ли, да там бы и трепались, слушай их тут...

Санаторий встретил его благостной тишиной. Сияло солнце, ветерок лениво шевелил листву... хоть волком вой, если бы мог и умел – напился б сейчас до потери сознания. Алексей Алексеевич пошел, куда глаза глядят, и тут же наткнулся на пышущую избытками энергий Алису.

– А-аха, – сказала она, – Разве Вы не в Севастополе?.. Уже вернулись?..

Вот чертова баба, – невнимательно удивился Алексей Алексеевич, – все-то она знает... а Алиса продолжала:

– А Вы, Ал-Ал, однако же, ходок. Не устаю восхищаться. Уже и клинышек вбили?.. Впрочем, Вы, как профессор, на студенточках натренированы, я думаю... Вот только не староват ли объект на Ваш нестандартный вкус? Да и с бермуд-

ским треугольником как быть? Третий угол очень уж переживает.

Алексей Алексеевич захлопал глазами.

– Ну-ну, Ал-Ал, не надо наива. Не переигрывайте, артист Вы никакой, – рассмеялась Алиса и, помахав ручкой, пошла прочь, однако, не отойдя и нескольких шагов, вдруг повернулась и сказала, хитро прищурив глазки:

– К морю идти не рекомендую. Рекомендую корты. Настоятельно рекомендую.

Рекомендацией Алексей Алексеевич решил не пренебрегать, поскольку делать все равно было нечего, а узнать, что же эта самая Алиса имела в виду, стало ему интересно. Он быстренько переоделся и ухватил с Юриной постели ракетку, решив, что, в крайнем случае, просто постучит мячами о стенку.

На корте играли Надежда и Вероника Павловна, а стенка была занята его юными преследовательницами, в упор не замечавшими с меланхолическим видом вихлявшегося рядом длиннолицего, длиннотелого, гнutoго одновременно во все четыре стороны невероятно тощего парнишку, облаченного в широченные “бермуды”, концы завязок от которых уныло свисали у него между ног. Мальчишка посмотрел на Алексея Алексеевича зверем. Алексей Алексеевич помахал Надежде и Веронике Павловне ракеткой, облокотился о невысокий барьер и приготовился в полной мере насладиться неожиданным зрелищем, но... нет, нет и еще раз нет в мире это-

го самого чертова совершенства. Девчонки тут же обступили его с обеих сторон и, под предлогом восхищения игрой, принялись хватать руками, прижиматься бедрами, грудью... Резвились, мерзавки, и веселились вовсю.

Бежать от них на глазах у Надежды показалось Алексею Алексеевичу как-то неловко. Он решительно высвободился из клещей, зашел на корт и уселся на скамейку. Девчонки завопили: “Правильно! Лучше сидеть, чем стоять, и уж, конечно, лучше всего лежать, да ежели еще в прикольной компании...” – и тут же оказались рядом. Но, по крайней мере, от их бедер оказался он защищенным, отгородившись справа ракеткой, а слева банкой с мячами.

Теннисисткой Надежда, конечно же, была неплохой, но до Вероники Павловны было ей далеко. Никаких скидок “на новенького” Вероника Павловна не делала, играла в полную силу, подачи посылала такие, что как их Надежда еще умудрялась принимать, было уму непостижимо. Иногда и Надежде удавались прекрасные удары, но если шли мячи от Вероники Павловны далеко, та просто провожала их глазами, даже попыток взять мяч не делала. Поднимет вверх большой палец, покивает головой – великолепно-де, браво, браво – могла себе позволить при таком перевесе в счете.

Вероника Павловна быстро выиграла сет, и они с Надеждой тут же начали второй. Надежда в игру вошла как в последний бой, выкладывалась вся, без остатка, и даже умудрилась взять первый гейм. И тут у игры появились новые зри-

тели.

На корт величественно всплыла щука – оккупантка в сопровождении экстравагантно и даже, пожалуй, вычурно одетой дамы, личико, впрочем, имевшей миленькое и, вроде бы, скромное на первый взгляд... впечатление портил рот, обладавший явным переизбытком свежевставленных золотых зубов. Зато сама щука! Щука была в ударе. Глаза ее были полны подозрительного по происхождению огня, и вела она себя так, что куда уж тут оккупационной армии! В некотором отдалении следовали новые Алексея Алексеевича знакомцы – фискальный мэтр с эскортом из обоих кандидатов в Корейко. Несмотря на явный к дамам интерес, держались они в некотором отдалении то ли из-за численного несоответствия, то ли хотели сначала в санатории все-таки оглядеться.

Рассеянно пронаблюдав красивейшую свечу, которой Вероника Павловна обвела рванувшуюся к сетке Надежду, и с рассеянным же видом громогласно прокомментировав увиденное сакраментальным: “Класс игры невысокий”, щука – оккупантка, ничуть не понижая голоса, обратилась к своей подруге, обильно перемежая подцензурные выражения с шиком изрекаемым матом:

– –Тр-р-р-рах тарарах тах тах! Тоже мне фря! Ладно бы еще чего собой представляла... Я сама таких многократно тр-р-рах тарарах, да еще извращенным способом! Но Васька-то. Ну жук, ну артист, трах тарарах тах тах всех его род-

ственниц женского пола! Это же Васька. Это же *мой* Васька.

Надежда опустила ракетку и смерила собеседниц сердитым взглядом. Оккупантка, игнорируя как этот взгляд, так и вообще всех присутствующих скопом, рассеянно продолжала в прежней более чем непринужденной манере:

– Он тут все возле меня отирался, думал, может, чего обломится, да только я с такими трах-тарарах рядом не сяду. То–то гляжу, он возле автобуса своими трах-тарарах трясет. А он там девочек свеженьких снимает. И ведь снял. Снял! Целочку еще из себя корчит, мымра затраханная. Может, СПИДА боится? Так ей можно и презерватив одолжить, у меня много, мне не жалко.

Побагровевшая Надежда сказала с обманчивым спокойствием:

– Эй, вы, там! Вы, может, не заметили, что здесь подростки?

Оккупантка дернула носом и презрительно изрекла:

– Эти подростки еще Вас саму поучат раком трахаться.

– Ну, хамье, – свирепо зарычала Надежда. – Не рот, а выгребная яма переполненная, хоть ассенизаторов зови!

Златозубка с мышинным писком бросилась с корта прочь. Оккупантка застыла на месте, а обе девчущки, позабыв об Алексее Алексеевиче и даже рты закрыть позабывши, в почтительном восхищении пялились теперь уже на Надежду.

И тут в дело вступила артиллерия главного калибра, поскольку фискальному чину и обоим кандидатам в Корейко

момент для вхождения в светское общество показался не просто удачным, а даже и выигрышным в смысле проявления всяческого благородного рыцарства.

Перебивая друг друга, и с наслаждением не стесняясь в выражениях, оба молодых человека принялись громогласно обсуждать все достоинства Надежды как применительно к теннису, так и к другим, более им знакомым играм. А фискальный чин, поощрительно своим шавкам улыбаясь, уже и ухватил оккупантку под локоток.

– Немедленно прекратите, мерзавцы... – закричала Надежда.

– Ай, какая грозная девушка, – глумились кандидаты в Корейко. – Тебе страшно? Нет? Вот и мне почему-то тоже.

Вероника Павловна глядела в сторону и индифферентно молчала. Девчонки забыли дышать. Надежда задыхалась от бессильного гнева и, казалось, была готова броситься на обидчиков с ракеткой.

– Слава героям и да здравствуют рыцари! – заорал вдруг Алексей Алексеевич с такой силой, что оба молодых человека споткнулись на полуслове и молча уставились на него во все глаза.

– Оцените, Наденька, и проникнитесь, – продолжал Алексей Алексеевич уже нормальным тоном, но со всем возможным восхищением в голосе. – Их всего лишь трое, но они ни капельки не боятся одной женщины. Паладины! Орлы!

Автобусный собеседник Алексея Алексеевича набычился

и покраснел.

– Мы и Вас не очень-то боимся, – запальчиво крикнул он.

– Вот видите, Надюша, я же говорю – львы. Они и мужчины, который им не угрожает, тоже не боятся.

Надежда с облегчением рассмеялась, а фискальный чин, не выпуская локотка оккупантки, презрительно процедил сквозь зубы:

– А Вы, мужчина, попробуйте, поугрожайте.

– Ну, прямо так вот уж сразу и мужчина. Давайте попробуем, чтобы сначала женщина... Нахапаров утверждает, что Вы, Наденька, у себя на телевидении имеете неслабое влияние, пусть и неформальное... точнее, оно даже и лучше, что неформальное. Значит, там есть люди, способные за Вас серьезно обидеться... простите... Правда, по Нахапаровским словам, Вы этим своим влиянием не злоупотребляете, но разочек-то? А? Почему бы и нет? Хамство спускать нельзя. Хамство нужно пресекать. В зародыше. Займитесь-ка воспитанием этих... э-э... кандидатов в Корейко. В конце концов, разузнать – кто, откуда, где, когда и почему совсем не сложно, могу даже свою помощь предложить... ага?

– А что? – обрадовалась Надежда, мстительно глядя на трицу. – И в самом деле?.. Разочек-то?..

Джентльмены увяли и растерянно переглянулись.

– Итак, – сказал Алексей Алексеевич, улыбаясь со всей возможной приятностью, – вам, судари мои, представляется вполне свободный выбор между, так сказать, топором и ви-

селищей. Или вы немедленно испаряетесь отсюда к чертовой матери...

– Но мы... – забормотал фискальный, растерянно улыбаясь, – зачем же так близко к сердцу? Это, извините, всего лишь...

– А кому тут нужны ваши извинения? Вы все еще здесь? Вся компания, включая и оккупантку, покинула корт с похвальной поспешностью.

– Ну и чудненько, – сказал Алексей Алексеевич, – конфликт разрешился сам собой ко взаимному удовлетворению.

– Вот он, цвет нации, в перестроечном исполнении, – с отвращением сказала Надежда. – Во всей красе. Любуйтесь – претенденты в будущие хозяева жизни... вашими усилиями.

– Не надо валить с больной головы на здоровую, – возмутился Алексей Алексеевич. – Они и по сей день не землю пахали. А кто их, кстати сказать, воспитал и взлелеял? Кто создал в стране такие условия, когда вверх всплывает, простите за выражение, одно дерьмо? Вам про телефонное право, про закрытые распределители и всякие прочие Четвертые управления напомнить, или не надо?

Надежда резко отвернулась, церемонно распрощалась с Вероникой Павловной и удалилась, демонстративно на Алексея Алексеевича не глядя. А невесть откуда появившийся Нахапаров потащил Алексея Алексеевича играть, сообщая на ходу, что лично он только что из Севастополя, город гудит, и что не знает он, Нахапаров, какой надо иметь

нос, чтобы в воздухе Российском запаха танковой солянки не унюхать.

– Можно подумать, что демократы и коммунисты просто обязаны смотреть друг на друга через прицел калашникова, – сердился он. – Не конфронтовать нужно, а договариваться. Я, например, демократ, а Юра коммунист, так что же, нам стрелять по этому поводу друг в друга? Больше всего на свете сегодня нужно общественное согласие на разумной платформе. Вот только хватит ли у нас на это мозгов?

10

– А сейчас, – сказала Ирина, – я спою вам один малоизвестный романс Титова. Автор слов неизвестен, да и сами слова с точки зрения строгих поэтических критериев, может быть, не очень... но мне нравится. Как говорится, за душу берет. И она тихонько запела.

Ничего мне на свете не надо
Я готов все отдать, любя.
Мне осталась одна лишь отрада –
Баловать и лелеять тебя.

Алексей Алексеевич порывисто вздохнул, романс этот был ему дорог и близок, а из другого конца лоджии синхронно с его вздохом раздался судорожный вздох Надежды.

Я внимательно слушаю сказки,
Их из уст твоих жадно ловлю.
Я гляжу на лазурные глазки
И хочу говорить, что люблю,

пела Ирина, и голос ее с бережной естественностью вплелся в тишину чудесной южной ночи.

Я люблю твою косу густую,
Так люблю, что сказать нету слов.
Дай хоть раз я тебя поцелую,
И тогда умереть я готов.

– Да, – вздохнула Ольга, – жила в каком-нибудь “дворянском гнезде” такая счастливица. Умели люди любить...

– Ну, положим, не такая уж она была счастливица, – тихо сказала Надежда. – Видите ли, этот романс, хотите – верьте, хотите – нет, посвящен моей пра-пра-прабабке. И Ирочка спела его не весь. Вообще-то, изначально он и пелся иначе, но музыка, в силу некоторых причин, не сохранилась. Кто-то из предков, знакомых с Титовыми, показал им эти слова... вот так и появился он на свет в нынешнем виде.

– Ну и дела... – тихо сказал Алексей Алексеевич. – Вот что значит не быть представленным по полной форме. Так Вы из Елагиных, Наденька? Тогда позвольте представиться. Венедиктов Алексей Алексеевич, к Вашим услугам.

– Не-ет, – сказала Надежда придушенным голосом.

– Увы!

– Вы – Венедиктов, да еще и Алексей Алексеевич?

– Что поделаешь, у нас в роду испокон веков старшего сына называли Алексеем.

– Что здесь происходит? – встрепелась Ольга.

– Дело в том, что мой предок штабс-капитан Алексей Алексеевич Венедиктов написал этот романс и посвятил его

Дарье Иннокентьевне Елагиной. Правда, в то время она была еще Дашенькой Новосельцевой. И вот еще что. Справедливости ради я должен сказать, что полностью оригинальными в только что услышанном вами тексте являются слова лишь первого куплета. Все остальное после некоторых событий, имевших место в половине девятнадцатого века, было кем-то из Елагиных перелицовано, поскольку они...

– Это ложь! – в бешенстве заорала Надежда.

– Это истина в последней инстанции, – холодно возразил Алексей Алексеевич. – Они считали невозможным для семейной чести публичное исполнение оригинального текста.

– Клевета, гнусная клевета, – бушевала Надежда. – Это ваши родственники, милостивый государь, перелицевали текст, чтобы Дарью Иннокентьевну опорочить, да вот только не вышло!

– Ну, уж раз на то пошло, – все так же холодно возразил Алексей Алексеевич, – у меня до сих пор хранится текст этого романса, написанный рукой самого Алексея Алексеевича.

– А идентичность руки подтверждается, конечно, семейной легендой, – ехидно ввернула Надежда.

– Нет. Нет! Поскольку это не единственный сохранившийся документ, написанный его рукой. Есть черновики писем Алексея Алексеевича Дашеньке, есть и тексты других романсов. Так что при случае, если захотите, могу ознакомить. Сможете сравнить сами.

– Пойдите, пойдите, – вмешалась Ирина. – Венедик-

тов... Вы меня извините, Алексей, но... дело в том, что я очень внимательно изучала... я даже книгу Цезаря Кюи отыскала и прочла... и я не знаю такого автора романсов.

– Ничего удивительного. Сам Алексей Алексеевич честолюбивым не был, да и талантливым себя не считал. По словам моей бабушки, его любимым присловьем было: “В России романсов не пишут только кучеры, да и то лишь потому, что руки заняты”. А его потомки при всем желании не смогли бы ничего доказать. Да и не пытались. Так что все романсы Алексея Алексеевича проходят под рубрикой: “автор неизвестен”. Ну вот, хотя бы, “С высоты седины”, может, знаете? Конечно, после Ирины мне даже как-то и неловко, но куплетик могу напеть.

С высоты седины оглянуться назад –
Голубые глаза мне сквозь годы блещут,
Густо пахнет сирень, небо в звёздах больших,
Я с тех пор и не видел таких.

– О, – восхитилась Ирина, – я знаю этот романс. И тоже его люблю. В его тексте есть, по-моему, совершенно замечательная строфа:

В старом парке тогда, у ночного пруда,
Не тебя поджидал я под небом в звездах.
Нам с тобой никогда не горела звезда

И сирень не цвела никогда,

-пропела она.

Алексей Алексеевич с иронической улыбкой посмотрел на Надежду.

– И Вы, Надя, хотите сказать, что человек, способный написать такие строки, может быть автором перла в куплете, опущенном Ирочкой, очевидно, из жалости:

Я люблю тебя нежно, голубка.

Для меня ты дороже всего.

Я люблю твои алые губки

И улыбку лица твоего?

– Да, Надюшка, это, конечно... – авторитетно вмешался Юра. – Алексей прав. Тексты явно разного класса. Эти слова действительно какие-то беспомощные. Ну что это, в самом деле, за “улыбка лица”? А его текст, я бы даже сказал, может быть, и изящен. Вот эта внутренняя рифма по цезуре – по паузе, то есть, в середине каждой строки – это самое: “да, да, да” создает такой усиливающийся ритм дополнительный, нагнетает напряженность, и все такое... А в конце это дело, на мой взгляд, просто блестяще разрешается в последней, не имеющей дополнительной рифмы строке. Безнадежно так... Нет, мне нравится... “Никогда”, – со вкусом процитировал он.

Надежда дернула в его сторону носом, но сдержалась, пренебрегла, и продолжала, подчеркнуто обращаясь лишь к Алексею Алексевичу:

– Не берусь проводить литературоведческий анализ. Я для этого недостаточно “физична”. Образование у меня всего лишь “ох уж это Вам гуманитарно – университетское”, а не МВТУшное какое-нибудь. Знаю только, что после известных трагических событий, Венедиктовы, милостивый государь, пытались всячески опорочить Дарью Иннокентьевну, в том числе, и искажая текст романа.

– А вот это как раз и есть возмутительная клевета, сударыня, – воскликнул Алексей Алексеич. Все было с точностью до наоборот. Именно Ваши родственники, богатые, влиятельные, не только опорочили, но и добились разжалования Алексея Алексеича и ссылки его на Кавказ простым солдатом. Где он и погиб, кстати сказать.

– Предварительно отправив на тот свет мужа!

– Па-азвольте! – от напускного хладнокровия Алексея Алексеича не осталось и следа. – Это Ваш муж искал ссоры. Это он был инициатором дуэли. Это он прострелил... э-э... Алексею Алексеичу бедро. А к барьеру умудрился подойти позже раненного им человека, хотя тот полз, истекая кровью, а Ваш благополучно передвигался на вполне себе целых нижних конечностях.

– Это неправда! – закричала Надежда.

– Правда, правда. Господин Елагин просто ждал, когда ра-

ненный им человек истечет кровью. Ведь оказывать помощь до конца дуэли правила не позволяли-с.

– Ложь! Он был потрясен. Он был растерян. А ты даже не дал ему времени повернуться боком и закрыться пистолетом.

– Ну, конечно! Это уже просто... браво! Надо было и дальше истекать кровью. Да и чем бы это помогло, если пуля угодила господину адъютантику прямо в лоб. Паркетному шаркуну, сударыня, надо было основательно подумать, прежде чем вызывать на дуэль боевого офицера, да еще и барьер поставить в шести шагах.

– Он не был паркетным шаркуном! Это был блестящий военный теоретик, один из людей, подготавливавших реорганизацию русской армии. А вот ты был бретер, бабник и... щелкопер.

– Не я.

– Не важно.

– Важно. Важно! А самое важное – разумеется, с точки зрения Ваших ... э-э... предков – было то, что Алексей Алексеевич не имел ни клочка земли и жил на одно лишь офицерское жалование. Из которого львиную долю тратил на солдат, кстати сказать.

– Пожалуй, Вы правы. Это и в самом деле не Вы. Тот был боец. В двадцать пятом он вышел бы на Сенатскую площадь, я думаю. А Вы – ни рыба, ни мясо, прекрасодушный интеллигент. Случись что сейчас, так с Вас хоть картину пиши:

“Бульжник – оружие интеллигенции”

– И-зви-ни-те! Я кончал Физтех. Кафедра военная у нас – дай бог любому военному училищу. Но дело не только в том, что меня хорошо учили, а и в том, что я хорошо учился. Даже для физтеха. Так что не будем. Меня, знаете ли, военные к себе чуть ли не на аркане волокли. Можете отнестись к моим словам как угодно, можете хоть обхихикаться, но предлагалась мне, ни больше, ни меньше, как Академия Генерального Штаба. И горы сулили даже не золотые. Бриллиантовые.

– Ладно-ладно. Пусть Вы даже Суворов... в эмбриональном состоянии, не о том речь. Я о Вашей позиции. Изобрели себе нейтралитет какой-то кретинский, хипошный... ни демократ, ни коммунист, ни нашим, ни вашим.

– Ах, Вы!.. смею думать... будь вы и в самом деле социалистами, я был бы с вами, точно так же, как был бы с демократами, будь демократами те, что сегодня так себя называют. Возможно по узости взглядов, но социалиста – не демократа я себе не представляю точно так же, как и демократа, не имеющего социалистической направленности. И именно поэтому оба лагеря в их нынешнем виде принять не могу. Зато Вы, как и Ваши предки, горой стоите за ту власть, что у кормушки.

– Да успокойтесь вы, ради бога, а то сейчас до такого договоритесь... – вмешался Нахапаров. – Все это было черт знает когда. Что ж вы так разбушевались, аж вцепиться друг в друга готовы... Боже, какая история, хоть фильм по ней снимай!

– Вот именно, – поддержала его Ольга. – Красивая, романтическая. Рассказали бы... только спокойно, по дружески. Без нервов. Что там произошло между ними? Хотя это и неприлично, но мы все тут просто умираем от любопытства. А что касается демократов с коммунистами, то в обоих лагерях всякого добра хватает, и порядочных людей, и подлецов.

– Пусть вон Алексей рассказывает, если хочет. У меня с враньем плохо. Да я и слога такого не имею, – язвительно заявила Надежда.

– Ну-ну, не будем прибедняться, Петр Иванович, – в тон ей сказал Алексей Алексеевич. – А то у меня и зуб со свистом.

– Ребята, ну, ей-богу, история же и в самом деле старая, – вмешался молчавший до сих пор Борис. – Да... Поразительно, как сводит людей жизнь. Чуть ли не полтора века назад, а ведь страсти бурлят какие.

– Рассказывайте, рассказывайте, что Вы... действительно... – сказала Надежда Алексею Алексеевичу. – Но, если вдруг – я вмешаюсь. Я Вам клеветать на Дарью Иннокентьевну не дам.

– А я и не собираюсь. Грешно было бы. Дарья Иннокентьевна во всей этой истории лицо страдательное. Единственное, что можно было бы поставить ей в упрек, да и то не с современной точки зрения, это что вышла она замуж – года не прошло со времени ссылки Алексея Алексеевича на Кавказ. Ну да не всем же быть женами декабристов... Девять

месяцев с небольшим, а, Надежда?

– Почти десять!

– Ну, так вот. Алексей Алексеевич Венедиктов и Дашенька Новосельцева познакомились в деревне. Алексей Алексеевич гостил там у друзей, это в Заборском уезде Нижегородской губернии, ныне это Красноармейский район. Новосельцевы у этих друзей были в ближних соседях. Романс этот в настоящем виде я вам потом напою. Только, справедливости ради, должен сказать, что это был романс – дразнилка. Алексей Алексеевич был старше Дашеньки, подшучивал над нею, поддразнивал. Бабушка рассказывала, что он много чего написал ей. И дразнильных стихов и... всяких, в общем. Вот только, в основном, не сохранились они. Наше семейство и девятнадцатый-то век не жаловал, а двадцатый и вовсе прокатился по нему асфальтовым катком. Из всего Венедиктовского рода один я и остался на белом свете. Дашенька была совершенно прелестная девушка, и я так понимаю, вылитая Наташа Ростова. Влюбились они друг в друга без памяти, и любили... как бы это сказать... без оглядки. Родители Дашеньки перепугались до полусмерти от перспективы получить себе нищего зятя... не надо, не надо, Наденька, не перебивайте, у Вас еще будет время высказаться... на чем это я... ах, ну да. Вот и вышло ему предписание отбыть в действующую армию на Кавказ. Ну а там он вскорости получил известие, что вышла Дашенька замуж за одного из представителей славного семейства Елагиных.

– Новосельцевы были в его ссылке совершенно ни при чем, – решительно перебила его хмурая Надежда. – И бедность ни при чем. Совершенно. Как рассказывали в нашем семействе, языкат был Ваш предок сверх всякой меры. И сказать о нем можно было бы все то же самое, что тут как-то Игорь о Вас самом говорил. Ладно бы он только начальству хамил, так он еще о Государе-императоре и его политике публично высказывался. И о польских делах высказывался, и о кавказских. Вот и договорился.

– Как бы то ни было, но был он на Кавказе ранен, там же и женился. Когда лечился от раны в Кисловодске. И надо же было такому случиться, что черти принесли туда, в Кисловодск, господина Елагина с семейством. На воды ему захотелось. Не знаю, правда это, или нет, но бабушка мне говорила, что не была Дашенька с ним счастлива. Ревновал он ее безумно. Самой бесплодной и мерзкой ревностью ревновал. К прошлому. А тут еще и Алексея Алексеевича увидел.

– Что, – спросил Юра, – крыша поехала?

– Вроде того. Очень уж страдала его нежная душа, что любила она другого до него.

– Ах, вот оно что, – протянула Ирина.

– Естественно, – буркнула Надежда. – Алеша же сказал, что любила Дашенька без оглядки. А по-другому женщины в нашем роду любить не умеют. Там же, в Кисловодске, и случилась эта злополучная дуэль.

– На Лермонтовской скале? – выдохнула Ирина.

– Далась нам всем Лермонтовская скала, – вздохнул Алексей Алексеевич. – Вот и я тоже приставал к бабушке. Не там ли. Как-то раз даже каникулы институтские на это дело угрохал. Приехал в Кисловодск, скалу разыскал, это где Печорин с Грушницким стрелялись, теперь там даже доска мемориальная есть. Забрался на нее. Нет, думаю, не здесь. Негде там было, кровью истекая, ползти. Там можно было лишь по очереди стреляться. А он полз. И орал: “К барьеру!..”. А как подошел господин Елагин к сабле, он и вогнал ему пулю между глаз. Наповал уложил господина адъютанта. А самого, как только оправился, разжаловали и послали обратно под пули уже рядовым.

– Тогда его и из дворян, небось, поперли? – спросил Юра.

– Это называлось, кажется, лишением всех прав состояния, – сказал Нахапаров. – Так что же, Алеша, тогда он и погиб?

– Практически сразу.

– И остались на свете две молодые беременные женщины, – пробормотала Надежда.

– Да, – согласился Алексей Алексеевич, – вот только одна из них без средств к существованию, без состоятельной родни и без семьи. Алексей Алексеевич, видите ли, на сироте женился, на бесприданнице.

– Погоди, Алексей, а разве на дуэлях не по жребию стрелялись? – спросил Юра. – Я в кино видел...

– Бывало так, бывало и иначе, – поспешно перебил его

Нахапаров, – Тогда был целый кодекс дуэльный разработан, даже не один, если не ошибаюсь. Вы скажите, Алеша, а позже пути ваших семейств не пересекались?

– Практически нет. В первую мировую упоминался мой дед в одном приказе о награждении с каким-то Елагиным в связи с Брусиловским прорывом, да в гражданскую под Омском при разгроме Колчака было что-то такое, я толком не знаю.

– Это мой прадед по отцу, – сказала Надежда. – Он потом получил свои десять лет без права переписки. А материнский комиссарил на Южном фронте. Так что до самой перестройки я думала, что являюсь живым свидетельством примирения бывших врагов.

– А у Вас как, Алеша? – спросил Борис.

– Мой сам застрелился. Когда его братья пришли, так он пришедших на пол положил, не без крови, правда, но без смертоубийства. Руки-ноги, там, я точно не знаю. Потом написал личное письмо. Сталину. Что вины за собой не знает. А называть себя врагом народа не позволит никому.

– И что же семья? – спросил Борис.

– Семью не тронули. Письмо Сталину, видимо, понравилось. Жили без клейма народных врагов. Вот, собственно, и вся история. А теперь романс. Предупреждаю, что я не только певец, но и гитарист аховый. Так что романс я вам даже не напою, а скорее наговорю. И сразу со второй строфы. Или куплета. Или как там это называется. Передайте мне, пожа-

луйста, гитару, Ирочка.

Начал он, почему-то, с начала, споткнулся, махнул рукой. “Продолжайте, продолжайте” – зашумели окружающие. Алексей Алексеевич добрался до конца первого куплета, взглянул на Надю и продолжил:

Я внимательно слушаю сказки,
Их из уст Ваших жадно ловлю.
Ваши хитрые, лживые глазки,
И люблю говорить, что люблю.
Как люблю я головку пустую!
Так люблю, что сказать нет и слов.
Дай хоть раз я тебя расцелую,
И тогда умереть я готов.

– Кстати, Наденька, есть еще одно вполне объективное доказательство моей правоты, пусть и косвенное. В студенчестве я туризмом увлекался. Зимним, нырять-то зимой мы все равно не могли, вот и... Во время одного из походов занесли нас черти в тот самый Красноармейский район. И в местном историко – художественном музее увидел я портрет девушки на веранде кисти неизвестного художника. А директриса музея, бывшая у нас за экскурсовода, рассказала, что местные энтузиасты – краеведы заинтересовались этим портретом и раскопали имя девушки. Художник, как у нас в России ведется, так и остался неизвестным. Девушка же ока-

залась дочерью местного помещика Дарьей Иннокентьевной Новосельцевой, в замужестве Елагиной. Очень, между прочим, Вы на нее похожи, Надя, как я теперь вижу. К чему я все это рассказываю? К тому, что косы у нее никакой не было, можете проверить сами. Поинтересуйтесь при случае.

– Вы на меня не обижайтесь, Наденька, – сказала Ирина, – но нет в этих словах никакого поношения, а есть в них шутка, поддразнивание и еще есть любовь, честное слово. Большая любовь, это сразу чувствуется. И вообще они очень милые. Так что Алексей Алексеевич... Алеша, я их у Вас спишу, ага?

– После такой истории говорить как-то вот ни о чем больше не хочется, – сказал Борис. – Но и спать тоже не хочется. А не пойти ли нам, друзья, искупаться?

– А что, – поддержал его Нахапаров, – хорошая идея. Пошли, а? Забежим к себе, захватим плавки, купальники, полотенца и встретимся в вестибюле.

– Правильно, – сказала Надежда. – Вы идите. И ты, Юра, тоже иди. А мы с Алешей тут еще немножко посидим. Нам с ним надо кое-что выяснить. Поговорить кое о чем.

Все заторопились к выходу. На Юру старались не смотреть. Юра покраснел, как-то уж очень бестолково заметался по комнате, потом схватил махровую простыню и плавки и выскочил за дверь.

Алексей Алексеевич нервно ухватил пачку сигарет.

– Не надо, – тихо сказала Надя, – От тебя и так несет, как

из дымогарной трубы.

– Но я смущен. И я не понимаю...

– Да что ж тут понимать? Тут, мне кажется, все ясно. Только вот что, Алеша, чтобы недомолвок между нами не было. Не знаю, что уж там тебе сказал Нахапаров, но в Москве есть один человек, перед которым я преклоняюсь. Я и на тебя, если честно, смотрю снизу вверх, а уж на него с неизмеримо низшей точки. Так что все, что между нами будет... в общем, в Москве продолжения не последует. Ну что ж ты стоишь, как столб? Обними меня. Разве ты не видишь, что меня всю трясет. Со страха.

Несколько дней Алексей Алексеевич жил как в угаре. А после, когда поймал себя на том, что ведет отпускным дням обратный счет, над обстоятельством этим долго смеялся. Хоть и не без горечи, нет, не без горечи. Надежда была притихшая, счастливая, молчаливая, и очень обрадовалась, когда быстро утешившийся Юра притащил в их компанию новую девушку. Девушка была молоденькая, симпатичная, и очень мило краснела. Жила Верочка через две комнаты от Бориса с Ольгой и, как выяснилось, каждый вечер проводила в лоджии, старательно прислушиваясь к долетавшим до нее обрывкам разговоров.

Алексей Алексеевич, против обыкновения, узнал о новой подружке соседа раньше остальных друзей. Просветила его вездесущая Алиса.

– Ну-с, Ал-Ал, – сказала она с милой улыбкой, – наш поэт будто бы не в накладе, а? Как Вам кажется? И лялька Вам как? Очень даже ничего лялечка, не правда ли? На любой вкус. Впрочем, Вы, как всегда, верно, еще не в курсе...

Надежда старалась следить за тем, чтобы Алексей Алексеевич работу свою ни в коем случае не забросил, сама усаживала его за стол и, навалившись ему на спину своей умопомрачительной грудью, смотрела через плечо, как из-под его пера на листе бумаги выстраиваются длинные ряды непонят-

ных и загадочных значков, перемежаемых редкими вкраплениями читаемых нормальными людьми выражений. Некоторые из этих фраз приводили ее в веселое настроение, а над сентенциями вроде: “отсюда с очевидностью следует...”, “совершенно ясно, что...” или “как легко убедиться...” она хохотала до слез. Кончалось это, впрочем, всегда одинаково – и ручка, и бумага летели в сторону, а следом за ними туда же отправлялась и та малость, что была на них надета по случаю стоявшей совершенно протвиеостественной жары.

На собраниях их теперь безраздельно царил Юра, которому сообщество, не сговариваясь, единодушно предоставило первую роль. Вот и в тот день, когда Алексею Алексеевичу предстояло убедиться, что его “обратный счет” был в корне неверен, Юра при энергичной поддержке Надежды и при-мкнувшего к ним Бориса насел на бедную Ирину. Вся эта хунта злодейски требовала, чтобы Ира разъяснила, как религиозный человек может претендовать на звание человека свободного.

Сообщество устроилась на одном из микропляжиков дикой бухты, где каждый, по крайней мере, номинально, занимался своим собственным делом. Ольга с Борисом и Нахапаров играли в преферанс, Ирина тихонечко перебирала струны гитары, Верочка натиралась кремом для загара и отгоняла Юру, порывавшегося оказывать ей посильную помощь, Алексей Алексеевич курил, привалившись спиной к валуну, а Надежда загорала, пристроив голову ему на колени.

– Извини, Ирочка, – орал вошедший в раж Юра, – человек по религии есть раб божий, так?

– Ну, так.

– Вот и объясни, как это раб может быть свободным человеком?

– Червь еси, кал еси, сосуд еси греховной, дьявольской, – бухтел Борис, не отрывая взгляда от карт.

Ирина защищалась, как могла, но противников у нее было много, и все они были люди языкатые.

– Нет, Ирочка, не увиливай, – наседала Надежда, – про “не в том смысле” я не понимаю. Тогда что такое свобода, по-твоему?.. А Вы не вмешивайтесь, – набросилась она на зашевелившегося было Нахапарова. – Не мешайте. Всем хочется узнать, что есть свобода в представлении рядового российского демократа.

– А свобода в том смысле, с которым все вы к Ирочке пристаете, есть всего лишь сумма условий, при которой в полной мере соблюдаются права человека, – не выдержал Алексей Алексеевич.

– Вот, зануда! – вздохнула Надежда, награждая его увесистым тумачком по груди, – такую тему испортил, а Ирина, радостно захлопав в ладоши, заорала в совершеннейшем восторге: “Ага, ага, получили!” и, в избытке чувств, показала друзьям язык.

Впрочем, трогательное единодушие в отношениях между Надеждой и Юрой удержалось недолго. Стоило ему в ответ

на какую-то реплику Нахапарова произнести: “Мы, коммунисты...”, как Надежда набросилась на него с таким пылом, что от Юры полетели пух и перья.

– Но, послушай, – оправдывался Юра, – сегодня против перестройки может быть только совершенно запредельный идиот. Вы все люди от производства далекие, а нам, производственникам, еще как видно, что страна зашла в тупик. Производительность труда и без того аж никакая, а тут еще – езжай в колхозы на прополку, на уборку, на сенокос... на овощную базу поезжай, на которой жулье все продукты сгноило, чтобы воровать было удобнее. Даже улицы подметать гоняют, это же просто разврат. Что они там, наверху, этого не понимают? Да все они понимают, но ничего не делают. А раз так – пусть убираются к черту. Чтобы жизнь изменилась, и при этом ничего не менять, так, извините, не получится. А сделать надо всего-навсего три вещи: убрать с нашей шеи миллионы захребетников, вон аппарат чиновничий какой раздутый, жуликов прижать и нам отдавать, что заработали. Полностью. Что бытие определяет сознание – это, знаете ли, очень верно сказано.

– Вот тут я с Юрой целиком согласна, хоть он и коммунист, а я демократка, – горячо заговорила Ира. – Согласна на все сто. Управленческий аппарат надо сокращать, он у нас раздут до невероятия. И надстройки всяческие тоже должны быть убраны. И нечего бояться безработицы. На каждом предприятии висит список, кого им надо. Да хоть бы взять

наши больницы. Врачей не хватает, младшего медицинско-го персонала не хватает, оборудование допотопное, да и то-го, по правде говоря, нету. А быт у нас какой? Бытовая тех-ника на уровне каменного века. Вот и заняться бы оборон-ным предприятиям этими проблемами. Работы – непочатый край, для всех хватит.

– Ага, – иронически усмехнулась Надежда, – все правиль-но. Заводы, которые выпускают танки, надо переориентиро-вать на кастрюли, а вместо ракет и кораблей, вроде того, что, вон, видите, напротив дачи горбачевской торчит, пусть де-лают эти, как их, томографы. Вот они вам наделают! Хоть бы между собой договорились, что она такое, эта самая ва-ша перестройка. А то у нас сколько голов, столько и госу-дарственных умов. И каждый ее понимает по-своему. У тор-говли, наворовавшей себе капиталы, одни представления, у дядей, сидящих за нефтяной задвижкой – другие, у вашего, Борис, брата-банкира – третьи, у творческой интеллигенции – четвертые. И все вы, черт вас подери, костерите револю-цию. Да если разобраться, кем бы вы все сейчас были, не слу-чись она, эта самая вами проклинаемая революция? Пред-ложи я сейчас поднять руку тем, кто мог бы рассчитывать на принадлежность к обеспеченному классу, кроме моей, да вот еще Алексеевой, ничья рука наверняка не поднялась бы. И хотя кругом, заметьте себе, одни демократы, но всем им, крестьянским внукам, слово “господин” душу греет. И каж-дый Швондер норовит другого Шариковым обозвать.

– Это точно! – восхитился Юра. – Вот вам, кстати, такой гном, то есть, маленькое стихотворение:

Господа демократы! Мы все бескорыстны и святы,
Но один к нам вопрос, он свербит в голове иногда:
Если мы господа, почему мы тогда демократы?
Если мы демократы, над кем мы тогда господа?

– Может быть, чтобы в голове не свербело, надо ее почаще мыть? – мило поинтересовалась Ольга.

– Нет-нет, постойте, – сердито сказал Нахапаров. – Когда это Вы слышали, чтобы по отношению к себе я, например, сказал “господин”?

– Ну, – смущенно поежилась Ольга, – мы с Борисом иногда употребляем. Согласитесь, что слово “товарищ” звучит, я бы сказала, несколько одиозно.

– В таком случае вы могли бы пользоваться хорошим словом “гражданин”, – возразила Надежда.

– Гражданин Сахаров? – с сомнением произнесла Ирина, – так и тянет добавить “пройдемте”. Понимаете, при нашем всеобщем среднем, и даже – прости Надюша, это не я, это альтист Данилов – о-очень среднем телевизионном образовании, существительное “гражданин” употребляется только и исключительно совместно с этим глаголом. А, в общем-то, стишок ядовитый. Очень. Это опять твой товарищ, Юра?

– Да, – сказал Юра, и вдруг, дурашливо скривившись, запел или, скорее, заорал:

Всякий день мы напивались,
Чтоб к станкам – ни боже мой!
И с обеда возвращались
В наши гавани, домой!

– Вот-вот, именно так, – иронически хмыкнул Алексей Алексеевич, – именно с обеда, а не в конце нашего, так называемого рабочего дня. Это и есть основной принцип труда в нашем, опять же, так называемом, социалистическом обществе.

– Это же шутка, – возмутился Юра.

– Но очень характерная.

Надежда потемнела лицом и рывком выпрямилась.

– Друзья, друзья, давайте сменим тему, – сказала Ольга и искоса поглядела на Верочку. – Послушайте, Юра, вот эти стихи, которые Вы нам постоянно читаете... как Вы их там называете, тролли, что ли, и все эти песенки... сознайтесь, ведь они Ваши?

Юра тоже покосился на Верочку, почесал в затылке и сказал:

– Вообще-то такие стихи называются “гномы”. Но эти, тут Вы правы, они, конечно же, тролли, потому что – да, мои.

– Я догадывался, – сказал Борис.

– Ну, вообще-то, мы все догадывались, – усмехнулся Нахапаров, однако Надежда, глядевшая на Юру удивленными глазами, медленно покачала головой.

– Нет. Не все. Я лично все эти его разговоры о товарище принимала за чистую монету. Это что же, Юра, у тебя хобби такое? Ты, может, даже печатаешься?

– Ну, ты скажешь, печатаюсь! Хотя... вообще-то, печатаюсь. В одной районной подмосковной газете. В Мытищах. “За коммунизм” называется.

– Странно. Почему именно в Мытищах?

– Видите ли, – Юра почесал себе нос и снова покосился на Верочку. Верочка сияла... – Видите ли, там есть такое литературное объединение имени Дмитрия Кедрина. Кедрин когда-то стоял у его истоков. Собираются любители поэзии и вообще литературы. Очень хорошее объединение. Нет, правда. Из него вышло несколько членов Союза писателей, кое-кто из них и сейчас у нас бывает... есть студенты Литинститута... Со всей Москвы люди съезжаются. И из Подмоскovie. Даже дальнего. На двух электричках, бывает, едут.

– И много вас таких любителей? – полюбопытствовал Нахапаров.

– Ну, я не знаю общее количество. Но много. Всякий раз собирается, там, где-то, человек тридцать – сорок. Читаем друг другу. А после устраиваем разборки. Бывает, так тебя расколошматят – только пух летит. И перья.

– Вон оно как, – протянула Ирина. – Глядишь, лет эдак

через несколько ты у нас и в профессионалы выйдешь. Станем мы и за твоими книжками в магазины ломиться, прилавки сносить.

– Это вряд ли, – рассмеялся Юра. – Технически-то стихи у меня чистые. И рифмы на месте, и размер вполне себе соответствует. А все в них чего-то не хватает. Так, самой малости. Поэзии, я бы сказал. Так что я сейчас все больше по гномам и пародиям... Нет-нет, слава Иванова меня вовсе не колышет. Я даже и на него самого тут как-то эпиграммку изобразил:

По Кремлевским стенам бьется эхо
От самим себе противных слов,
И кружит над полудохлым смехом
Голошеим грифом Иванов.

А что он теперь заделался демократ, так это вовсе ни при чем, клянусь. У меня уже, можно сказать, в привычку вошло, я имею в виду, насчет пародий. Даже когда Ирочка романсы поет, эти самые пародии у меня просто с языка рвутся. Еле успеваю их обратно в рот заталкивать.

– Так что же ты, Юра, их прячешь? – удивилась Ирина. Ну-ка, бери гитару.

– Играть на гитаре я не умею. Вот, разве что ты подыграешь? Но, предупреждаю, мое пение так же относится к пению Алексея, как его к твоему. И это будут мини романсы.

Максимум один куплет.

– Ладно, ладно, а то мы тебя раньше не слышали, ты давай, ты пой, – зашумела публика, а что касается Верочки, то она просто не сводила с Юры сияющих глаз.

– Ну пожалуйста, только потом не пищите. Наиграй-ка мне, Ирочка, “На заре ты ее не буди”.

Ирина сыграла вступление, и Юра весело запел:

На заре ты ее не буди.

На заре она сладко так спит.

Дрыхнет хахаль на ейной груди...

Так ты их не буди, паразит.

– Фу, – сказала Ольга, поперхнувшись смехом.

– А что? – вторил ей Борис. – Молодой человек прав, к какому бы паразиту эти его слова ни относились.

– Ладно-ладно, хотели слушать – вот вам, получайте мой комментарий к романтико-романсной лирике. Ирочка, “Средь шумного бала”, пожалуйста...

Средь шумного бала, случайно,

Раздался предательский звук.

Хотел он и тихо, и тайно,

А вдруг оглушительно: “Пук!”...

– Боже мой! Разве так можно, Юрочка, – стонала публика,

а разошедшийся Юра, одним мановением руки прекративши излияния окружающих, уже пел следующий опус:

Я видел Ва-ас один лишь раз... в гробу-у,
Вы в белых тапках мирно возлежали.
О, как клян-у я горькую судьбу.
О, как я маюсь в тягостной печали.
Я видел Вас
в гробу лишь только раз,
Веселый Роджер
Вы собой
изо-о-ображали.

– И все же это ужасно, Юра, – сквозь смех говорила Ирина. – Ну ладно бы какой-нибудь Ласковый Май, эстрада какая-нибудь, все равно там у нас сплошное Гуляй поле, то разинщина, то пугачевщина... Но романсы? Неужто у тебя и на “Калитку” рука поднимется? Вот на это, замечательное:

Отвори потихоньку калитку...

– А почему бы и нет? – резвился развеселый Юра. – Запросто. Ну, вот вам, хотя бы, ответ предмета воздыханий воздыхателю. И менять ничего не придется, две – три буквы:

Отвали потихоньку в калитку...

– в свою очередь пропел он.

– Боже мой, какой ужас, – хохотала Ольга, а Юра подсунулся к уху Алексея Алексеевича и шепнул:

– И нечего смотреть на меня большими глазами. Никто ни перед кем ни в чем не виноват. Я, как видишь, не в накладе. – Он искоса бросил гордый взгляд на свою новую подругу и с подвыванием шепотом продекламировал: – Вера... Одежда... Любовь...

– Не-ет, играть с банкиром в преферанс – это что-то! – вздохнул Нахапаров. – Опять он нас с Вами надул, Оленька, снова нам ему в баре выпивку ставить. А Вам, Юра, я вот что скажу. Конечно, я не бог весть какой знаток поэзии. Но, сдается мне, искра Божия в Вас есть. Вот только относитесь Вы к своему дару самым безобразным образом. Безответственно относитесь. И “пук” это Ваш, извините, уж точно перебор. Вон, посмотрите на Алексея Алексеевича. Не на нашего Алешу, а на его предка. Он тоже не считал себя талантливым. Но он писал сердцем, и свое место в поэзии... или в романсе, это не суть важно... он занял. Пусть небольшое, пусть безымянное, но он состоялся. То, что он сделал, люди по сей день и любят, и поют. Хоть Вы обратите на это внимание, Верочка, и если сможете, заставьте этого оболтуса задуматься.

– Если нашей встрече суждено будет иметь продолжение, – сказала Верочка серьезно, – он у меня эту мысль бу-

дет думать как Аросевская обезьянка в мультфильме – часто, долго и тщательно.

Я вас всех добром прошу,
Отвалите, укушу, -

– вопил Юра, но видно было, что итогом дискуссии был он польщен.

Но тут Ольга, мельком взглянув на часы, вдруг всполошилась:

– Эй, эй, друзья дорогие, что-то мы с вами тут это... увлеклись... Ни беседами, ни пением сыт не будешь. Обедать пора!

Друзья быстренько собрались и помчались в столовую.

Солнце шпарило как крутой кипятик. Море было тихим-тихим, небо голубым, зелень парка неправдоподобно глянцевой... и вот еще что... цветы... Они пахли совершенно одуряюще.

12

Под колоннадой друзья догнали Алису, тоже шагавшую в сторону столовой.

– А-аха, вот Вы где, – сказала она Надежде. – Вас обыскался наш культработник, Анна Герасимовна. На ваше имя получена весточка. Из Москвы. Что-то очень срочное. Очень. – Она перевела на Алексея Алексеевича загадочный взгляд, высоко вздернула брови и, как бы извиняясь, слегка развела руками.

Надежда сорвалась с места и умчалась. В столовой она так и не появилась. А когда они с Алексеем Алексеевичем встретились, то своей суровостью напомнила ему ту самую изначальную девушку из третьего купе.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Москва вызывает на переговоры, – отрывисто ответила Надежда и посмотрела на часы. – Точнее... в общем, там ждут моего звонка. Через десять минут.

– Ну что ж, пойдем вместе, – сказал Алексей Алексеевич, не подумав. – Мне, пожалуй, тоже надо... а то давно уже не звонил. Ребята, небось, и то удивляются.

Он тут же спохватился, что его присутствие, может быть, Надежде будет мешать, выход из неловкой ситуации найдется не желал, Надежда, глядя в сторону, помедлила, потом пожала плечами.

– Пошли...

Войдя в переговорную кабину, она плотно закрыла за собой дверь. Алексей Алексеевич из деликатности вошел не во вторую, а в третью кабину, хотя она и была самой худшей из всех, слышно в ней было плохо, монета часто застревала в монетоприемнике, отчего связь во время разговора неоднократно прерывалась.

На этот раз, однако, ему повезло. Хотя монету автомат принять отказался, однако же исправно соединил его с Москвой. Сашка-охламон оказался на месте и сразу вывалил на Алексея Алексеевича целый ворох новых и, к тому же, крайне неприятных известий. Оказалось, что финансирование их темы было в очередной раз сокращено, причем сразу на сорок процентов.

– Я как узнал, так сразу побежал к столпу и устроил ему скандал. Но я ж не ты, разве он меня боится? Я ему говорю, что Вы, мол, и Алексея Алексеевича, небось, нарочно в санаторий услали. Вот погодите, говорю, он вернется – устроит Вам... А он мне, между прочим, тыкал, – ябедничал охламон, – и из кабинета гнал.

– А в чем там дело? Чем он это, хотя бы, объясняет? – спрашивал вконец расстроенный Алексей Алексеевич.

– Все валит на заказчиков. Говорит, что из-за разоружения. Врет, что ездил к самому Давыдову, но его там послали к фене-моне, потому что решение сам Давыдов и принимал.

– Ладно, – сказал Алексей Алексеевич, – не паникуй рань-

ше времени. Приеду – разберусь.

– Но это еще не все, – сказал охламон осторожно. – Я уж не знаю, Ал-Ал, как тебе это и сказать.

– Прямо и говори, что там еще такое стряслось. Ходишь вокруг да около, деликатный мой.

– Я насчет Шустермана. Помяни мое слово, Ал-Ал... то есть, я, конечно, хотел бы ошибиться, но, по-моему, он в Израиль намылился. Симптом – верняк. Иврит учит. И еще. С физтеховской кафедры ему аспиранта предложили, так он отказался.

Последнее известие для Алексея Алексеевича новостью не было. Севка еще год назад честно предупредил его о предполагаемом отъезде, попросив об этом, однако же, не распространяться. Но то ли потому, что Алексей Алексеевич надеялся, что все еще как-нибудь обойдется, то ли оттого, что, услышанное со стороны, известие обрело силу непреложного факта, но оно невероятно расстроило его и огорчило.

– Ну, ребята, – сказал он, – с вами не соскучишься и, уж конечно, не отдохнешь. Это точно.

– Мы-то тут при чем? – обиженно пыхтел охламон, но тут автомат, будто бы спохватившись, что за все время разговора он не востребовал с говоривших ни единой монеты, вдруг пискнул, щелкнул и отключился. Причем окончательно. Алексей Алексеевич заскочил в соседнюю кабину, но автомат молчал и там.

Из первой кабины вышла расстроенная Надежда.

– Что, у тебя тоже вырубился? – спросил Алексей Алексеевич сердито. Надежда расстроено кивнула головой. – Ну и связь у нас. Не знаю, как у тебя, а у меня вести поганые, хуже некуда.

Надежда быстро вскинула на Алексея Алексеевича острый настороженный взгляд, но, встретившись с ним глазами, так же стремительно отвернулась.

– Что случилось? – спросила она, помедлив.

– Да вот, финансирование сократили аж на сорок процентов. И Севка Шустерман уезжает в Израиль. А это, знаешь ли, такой теоретик... от бога. Он один – половина всей моей теоретической группы. Где я ему, спрашивается, замену найду?

Надежда криво ухмыльнулась.

– Свобода, – сказала она, вроде бы, даже и с каким-то облегчением. – И потом, Хельсинкские соглашения. Их соблюдать надо.

– Бесспорно. А иронию твою по этому поводу я принять не могу.

– Кончал-то твой Севка наш Физтех, а не какой-нибудь Гарвард. И, между прочим, не только учился бесплатно, но еще и стипендию получал. Причем, не нашу, не университетскую, а вашу, физтеховскую. Ну а теперь, раз уж его дураки – коммунисты бесплатно выучили, поедет он на Запад на “историческую родину” стричь купоны лично для себя, а

на страну, его выкормившую и выучившую, ему плевать.

– Поедет он не на Запад, а на Восток, – сердито сказал Алексей Алексеевич.

– А ты к словам-то не цепляйся. Мы же оба все понимаем. С Севкой твоим дело ясное, типичный он колбасный эмигрант. Солженицын Александр Исаевич, которого я, хоть ты мне, скорее всего, и не поверишь, очень уважаю, так вот он таким Севкам, как известно, руку пожимать отказывается. А вот с финансированием непонятно. Это-то еще почему?

– Да видишь ли, мы, когда тему открывали, чтобы денег побольше получить, ее к военным делам притянули. Не то, чтобы совсем за уши, нет, такой аспект там, в общем-то, можно сказать, тоже имеется... в какой-то степени... но не в нем соль.

– Ага, – сказала она, неприятно улыбаясь, – все понятно, за что боролись, на то и напоролись. Разоружение-с, милостивый государь. Гляди, как бы эту твою, как ты говоришь, за уши притянутую тему совсем не сократили. В Минобороны тоже не дураки сидят.

Алексей Алексеевич вспомнил о Давыдове и вздохнул.

– Это точно. Это ты, пожалуй, права. Могут и вообще прихлопнуть.

– Да ладно, – сказала Надежда утешающе. – Все может еще и назад повернуться. Так что ты не горюй раньше времени. Еще поработаешь. Всласть. Может быть.

– Поработать, конечно, хорошо бы, – хмуро сказал Алек-

сей Алексеевич. – Хотя перспектива крутого поворота назад меня, знаешь ли, отнюдь не радует. Ничего приятного я в этой перспективе не вижу. Ну да ладно, что мы все время обо мне. И ты вон тоже, гляжу, совсем смурная. С ним говорила?

– Да.

– Все рассказала, а теперь расстраиваешься?

– Уезжаю я, Алеша, – сказала она, помолчав. – Зовет.

– Когда?

– Сейчас. Меня уже и билет в Симферополе ждет. На ночной рейс.

– Даже так?

– Даже так. Ты пойми и не сердись. Раз зовет, значит, нужна я ему сейчас там, в Москве.

– Будешь собираться?

– Да... И вот что, Алеша... Последний раз у нас с тобою уже был. Извини.

– Но я вовсе...

– Ты не обижайся. Я бы с радостью. Время. Время. Я буду вещи укладывать, а ты попробуй договориться с мужиками, чтобы меня в Симферополь на машине отвезли. Сделай такое доброе дело.

– Хорошо, – сказал Алексей Алексеевич. – Я постараюсь.

– И вот еще что. В аэропорт провожать меня не надо. Нет-нет, не возражай, и лицо такое не делай, мне так лучше, мне так спокойнее. Поверь, я знаю, что говорю. Не надо.

Провожали ее всей компанией.

Друзья пребывали в искусственно оживленном настроении, но на Алексея Алексеевича исподтишка поглядывали жалостливо. Все. Даже Юра. Как всегда в таких случаях бывает, менялись адресами, телефонами, договаривались созваниваться и встречаться, твердо, впрочем, зная, что ничего этого, скорее всего, не будет... Алексей Алексеевич, по крайней мере, знал это более чем твердо.

Потом друзья отошли в сторону, давая Надежде и Алексею Алексеевичу возможность попрощаться. Надя обняла Алексея Алексеевича, прижалась к нему, спрятала лицо у него на груди, и заговорила бессвязно и глухо, не давая ему вставить слово:

– Ты меня лихом не поминай. Ты просто пойми и помни, что иначе я не могла. И очень тебя прошу, не ввязывайся ты ни в какие сомнительные... дела. Соблюдай этот самый свой нейтралитет. Придерживаешься его, вот и придерживайся. До конца. Не были Новосельцевы виноваты в судьбе твоего предка, теперь-то я это твердо знаю. Не уверена, заметь, а знаю. Это жизнь. Все общество, вся жуткая государственная машина отторгала таких людей, и, заметь, была права. По-своему. Он был идеалист, вот и погиб. Он был обречен, понимаешь? А они, мои предки, его гибели не хотели. Как и я твоей не хочу. Больше всего на свете я хочу, чтобы ты был здоров, весел и счастлив. Чтобы ты всласть работал, чтобы нашел себе хорошую женщину. И очень жалею, поверь, что твоего счастья составить не могу.

Машина умчалась. Друзья, не желавшие оставлять Алексея Алексеевича одного, чуть ли не силой потащили его в бар, а Нахапаров, ухвативши под руку и, заглядывая в лицо, осторожно завел разговор о том, чтобы он, Алексей Алексеевич, не слишком-то рассчитывал на Москву, потому что, “видишь ли, дорогой, Надюшка там, в Москве, как бы это сказать...”, “я знаю”, сказал Алексей Алексеевич. Его вдруг охватило какое-то совершенно иррациональное чувство. Выразить его словами – вот так, сходу – он бы не смог. Но он чувствовал со всеми окружающими его людьми, со всеми своими новыми друзьями какое-то странное, чуть ли не мистическое единство. Он как будто бы пророс в каждого из них, пустил в них корни, а они, в свою очередь, вросли в него. “У меня еще есть адреса, по которым найду голоса”, пронеслось у него в голове и исчезло так быстро, что он даже не успел удивиться. Это было не просто объединение, это был симбиоз, который делал их всех вместе много сильнее, значительнее, объемнее. Отъезд Надежды воспринимался им сейчас не просто личным... как бы это сказать... э-э, горем... а как беда, симптом неблагополучия, чем-то вроде обрубания корней, началом распада всего этого хрупкого, замечательного единого организма, чуть ли не свидетельством поразившей его гангрены. “Фу ты, что за дичь лезет в голову”, – рассердился он на себя, а в баре был снова дым коромыслом, веселье било через край, и столики свободные, по крайней мере, на первый взгляд, отсутствовали.

На танцевальном пяточке царил налоговый инспектор. Пребывал он в окружении сразу нескольких красоток разной степени зрелости и, выписывая толстенькими ножками за-лихватские кренделя, вещал своим глубоким прочувственным баритоном, что лично ему в компашке с самим собой скучно никогда не бывает, что он...э-э...веселый. Увидав Алексея Алексеевича и поняв, что тот расслышал эти слова, он не без надменности посмотрел ему в лицо и отвернулся. Красотки в восторге млели и закатывали глаза.

На пяточок подобно смерчу ворвалась красавица Алиса. Мило Алексею Алексеевичу улыбнувшись, она сочувственно сказала: “Проводили?” и устремилась к своим. Вот чертова баба, в очередной раз и опять невнимательно удивился Алексей Алексеевич, снова ей все уже известно... А Алиса, расшвыряв в разные стороны окружавших налогового инспектора красавиц, красоток и красулек заверещала громким голосом:

– Вы представляете, битый час пыталась связаться с Москвой. Абсолютная безнадега.

– Серьезные поломки на линии, – важно заявил налоговый инспектор. – Я справлялся... – И Алиса, ответив ему дежурным “А-аха!”, энергично включилась в танцевальный процесс, после чего кренделя господин налоговый инспектор стал выписывать уж и вовсе запредельные.

– Господа, – кокетливо закатывая глаза, кричала Алиса, – я такая стала рассеянная, такая рассеянная, все теряю,

все забываю, просветите меня, хотя бы насчет сегодняшнего числа?

– Просвещаю, – орал в ответ налоговый инспектор. – Просвещаю. С утра было восемнадцатое августа. А год ты еще помнишь?.. помнишь?.. Тыща девятьсот девяносто первый.

– Алексей Алексеевич, друзья! – откуда-то из угла кричал расторопный добытчик Юра, – где вы там все застряли? Здесь столик, столик здесь, а за столиком Катенька с Костей, и они против нас возражений не имеют! Давайте все сюда живее!

Вслед за друзьями Алексей Алексеевич медленно побрел к столу.

Несколько слов вместо эпилога.

Прошли годы, и судьба наших героев в новой России сложилась по-разному. Алексей Алексеевич еще в девяносто четвертом переехал работать в Америку и возглавляет сейчас большую лабораторию в Уилмингтоне. Решение это далось ему нелегко, но после того, как финансирование исследований прекратилось окончательно, ничего другого ему просто не оставалось. Условия работы в Уилмингтоне у Алексея Алексеевича сказочные не только по русским, но по любым мыслимым и немыслимым меркам. Он перетащил к себе из Москвы всех бывших сотрудников, а в девяносто седьмом к нему перебрался Севка Шустерман, так и не прижившийся на исторической родине. Алексей Алексеевич женился, у него милая жена, двое прелестных детей, Алеша и Наденька. Во время по-русски частых и по-русски же обильных лабораторных застолий первый тост всегда поднимается за далекую Родину, чтобы никогда не быть ей мачехой, но только матерью всем детям своим. А напившись, все дружно клянутся немедленно перебраться в Россию, как только ее бестолковые правители, наконец, осознают, что нужны ей не бизнесмены от науки, а именно наука, причем отнюдь не только для распилки бюджета.

Нахапаров был членом Государственной Думы и одним из видных представителей фракции Яблоко, пока таковая еще

существовала, а потом снова вернулся в кино. С Ирочкой они по-прежнему близкие друзья, несмотря на то, что она, потрясенная вначале Беловежскими соглашениями, а потом и всеми российскими социально – экономическими безобразиями, разочаровалась в демократическом движении и при всех голосованиях теперь демонстративно поддерживает Зюганова.

Юра подался в капиталисты. Организованной им фирме удалось продержаться на плаву все эти смутные годы, несмотря на рэкет, дефолт и прочие художества властей предрержащих. Когда его обвиняют в предательстве идеалов, он неизменно ссылается на пример Энгельса. Юра полысел, повальяжнел и чем-то неуловимо стал напоминать нового русского, правда, в “продвинутом” варианте. Ездит он на новехоньком шестисотом мерседесе с шофером и в сопровождении охраны, но малинового пиджака на себя никогда не напяливал, пальцы веером не разводил и в ношении на шее пудовых золотых цепей уличен не был.

Борис стал управляющим коммерческого банка, реклама которого какое-то время практически не сходила с экранов телевизоров. В ноябре девяносто шестого он был застрелен на пороге собственной квартиры. Убийцу, а, тем более, заказчика убийства, естественно, не нашли. Ольга от пережитого потрясения так и не сумела оправиться. Вначале ударилась в мистику, потом была завсегдаем казино и безумно дорогих питейных заведений. В конце концов, она перебра-

лась во Францию, живет сейчас в Каннах, где и поражает даже видавших виды французов экстравагантностью нарядов и поведения.

Так или иначе, приспособились к новой жизни все остальные герои нашего повествования. И только судьба Надежды осталась автору неизвестной.

Конец

В оформлении обложки использованы изображения с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0.